

91(с)(092) 475

И-75

Л. Е. Иофа

СОВРЕМЕННИКИ
ЛОМОНОСОВА
И. К. КИРИЛОВ
И
В. Н. ТАТИЩЕВ

МОСКВА 1949

57/6

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

3/10-77г.

Ильинский

Копия, оригинал, подает _____

154438

91(e) (092)
N. 75
+ 22

Л. Е. ИОФА

+ 99

СОВРЕМЕННОКИ
ЛОМОНОСОВА
И. К. КИРИЛОВ
И
В. Н. ТАТИЦЕВ

98
154438
05

ПРОВЕРКА
1948

Географы первой половины XVIII в.

02

Чкаловская
областная библиотека
абонемент №

W. H. R. KENNEDY

И. К. КИРИЛОВ

Начало XVIII века ознаменовано резким поворотом в истории России в связи с петровскими реформами.

Это не могло не отразиться на состоянии науки, прогресс которой всегда тесно связан с развитием производительных сил страны.

В области географии в первой половине XVIII столетия появились многие выдающиеся ученые. Наши очерки рассказывают о географической деятельности двух замечательных людей этой эпохи — И. К. Кирилова и В. Н. Татищева. Оба они были современниками гениального М. В. Ломоносова, но научная деятельность их началась несколько раньше. Обоих их, особенно И. К. Кирилова, с известным правом можно назвать предшественниками Ломоносова в области географии: И. К. Кирилов умер, когда Ломоносову было 26 лет.

***

Заслуги Ивана Кириловича Кирилова перед отечественной географией долго не могли быть оценены в полной мере.

В последнее десятилетие советским ученым удалось выяснить ряд важных, ранее неизвестных фактов биографии и географической деятельности И. К. Кирилова, позволяющие по-новому понять и оценить этого высокообразованного и изрядности выдающегося человека.

В то же время в наших архивах были обнаружены обширные материалы о И. К. Кирилове, важные для истории географической науки, которые еще ждут своего исследователя. Это особенно относится к роли его в качестве

организатора и первого руководителя геодезических работ в России.

В старых трудах, посвященных истории русской науки, И. К. Кириллову — яркому и самобытному ученому — не уделялось достаточного внимания. Ему не было посвящено ни одной монографии. До последнего времени не были установлены даже самые основные факты его биографии.

Можно считать твердо, что И. К. Кириллов родился в 1689 году. Основанием к этому служит список учеников Навигационной школы, составленный в 1705 году и помещенный в «Материалах по истории русского флота»: из него видно, что в 1705 году Ивану Кириллову было 16 лет¹.

Из этого документа известно, что И. К. Кириллов происходил из семьи подьячего² и в 1702 году, 13 лет, поступил в первую Навигационную школу в Москве, находившуюся тогда в ведении Оружейной палаты.

Кроме того, удалось разыскать указ, в котором сказано: «послать из Палаты Оружейной в школу наук математическую, во учителя Ивана Кириллова³, которого принять учителем Андрею Фархварову с товарищи нынешнего 1702-го мая в 23 день»⁴. Эту школу И. К. Кириллов окончил, видимо, в 1707 или 1708 году. Трудно сказать, какие знания были почерпнуты при обучении в Навигационной школе тех лет.

Во всяком случае вполне можно изображать И. К. Кириллова самоучкой, как это обычно делалось в старых работах⁵.

В 1712 году мы встречаем И. К. Кириллова подьячим в Ельце, где он выполнял работы геодезического характера и был причастен, помимо прочего, также к широким лесозаготовительным работам в районе Ельца, причисленного «по кораблестроительным делам» к Азовской губернии.

¹ Материалам для истории русского флота, ч. III, стр. 297, 1866 г.

² Подьячими назывались в те времена люди, ведавшие по древнему обычаю письменным писмоводством.

³ Здесь, как и во всех других современных Кириллову документах, принято писать его фамилию через одно «л». Это название сохранилось в большинстве работ и в настоящее время. Некоторые исследователи считают, что правильно предположительно написать «Кирилово».

⁴ А. И. Азарев. Энциклопедия новостей до Верной (Труды Историко-архивного института, т. 2, 1946 г.).

⁵ Есть достаточно подтвержденные указания, что И. К. Кириллов после окончания Навигационной школы начал свою службу в Морской академии и был послан вместе с другими наиболее молодыми людьми для совершенствования в морской науке в Лондон и Амстердам.

В ноябре этого же 1712 года стольник И. Д. Хлопов обещал ряд городов черноморского центра с целью отобрать наиболее способных подьячих для службы в Москве. В Елабуге в числе 12 подьячих, рекомендованных Хлоповым для перевода в Москву, оказалась и двадцатитрехлетняя Иван Кириллов¹.

В Москве И. К. Кириллов служил некоторое время в поместном приказе, но вскоре дела поместного приказа были переданы поместному² столу сената, куда и был переведен И. К. Кириллов. Так началась более чем двадцатилетняя его служба в сенате, где он прошел все ступени служебной лестницы от самых низших чинов (нескладного подьячего, т. е. без постоянного жалования младшего подьячего и т. д.) до обер-секретаря сената (1728 г.).

С первых же лет своей службы в сенате И. К. Кириллов обратил на себя внимание способностями и проявил особый интерес к картографии и географическим описаниям. Он много и усердно трудился над³ повышением своих географических знаний: «много лет, — писал И. К. Кириллов, — между настоящих моих канцелярских дел, разыскивая свободное время, по моему особливому желанию (хотя недостойно моего искусства) собирал и собираю по услуге любящим географию и карты».

В начале 20-х годов, когда впервые в России были поставлены систематические работы по инструментально-картографической съемке страны, руководство ими было поручено И. К. Кириллову⁴.

Материалы геодезической съемки, а также всевозможные статистические сведения по населенным пунктам, дорогам и т. д. направлялись со всех концов русской земли к И. К. Кириллову. Обладая «жилой» ученой и длинной глубоким чувством патриотизма, И. К. Кириллов решил использовать собираемые им материалы для полного описания своего отечества. Он исполнил свое намерение к 1727 году и это было первым систематическим описанием России. Ставя перед собой задачу показать благотворное значение для государства столь дорогих ему петровских реформ, И. К. Кириллов назвал свою книгу «Цветущее

¹ «Донатам и приговору, состоявшимся в привольном сенате в царствование Петра Великого», т. II, стр. 353 и 359.

² 9/XII—1720 г. указ сената о расклатке геодезистов Морской академии по все губернии Российской империи для составления ландкарт.

состояние Всероссийского государства». Эта работа дает основание считать его первым русским экономико-географом.

И. К. Кириловым также было задумано издание (за собственный счет) обширного атласа России, и в 1734 году он закончил печатание первого выпуска. Это был первый атлас, имевший целью охватить всю территорию нашей страны.

Одновременно с этими работами И. К. Кирилов принимал большое участие в организации ряда замечательных экспедиций того времени, в частности, тех называемых Сибирских или Камчатских. Последние годы своей жизни, после издания первого выпуска своего атласа (1734 г.) И. К. Кирилов целиком посвятил организации «Оренбургской экспедиции» (называвшейся вначале «Известной экспедицией»).

Всю силу своего характера и несокрушимую энергию отдает он на дело выдающейся государственной важности — построение на р. Орь города Оренбурга (нынешнего Орска) и других укреплений, с чем связано было установление торговых сношений со Средней Азией и Индией и обеспечение возможности создания металлургии на Южном Урале.

В научных занятиях И. К. Кирилова основной была географическая деятельность. Но, кроме того, он издавал, редактировал переводы книг с иностранных языков по самым разнообразным отраслям знания. Его интересовали и геометрия, и грамматика, и астрономия. И. К. Кирилов принимал самое деятельное участие в стремлениях передовых людей своего времени поднять культурный уровень России: «О книгах новых радуюсь и дай боже от времени до времени распространялось, что за самый фундамент в науке молодых детей причется может» или «За приятные ваши моего государя письма и сообщения начатых книг весьма благодарствую и веселюсь тем, что впад не малой России остатца имеет, когда оные и другие тому подобные книги от времени до времени на российском языке умножатся»¹ — такие мысли мы постоянно встречаем в письмах И. К. Кирилова.

Судя по ряду поступков И. К. Кирилова и по его отношению к людям, был он человеком горячего темперамента, стремительным, быстро увлекающимся.

¹ К. Саввак. Материалы для истории составления Атласа Российской империи Академии наук. СПб., 1866 г. Приложения, стр. 74 и 78.

Лучшую характеристику И. К. Кириллова как человека науки и государственного деятеля дал его ученик, тоже выдающийся географ, Петр Рычков; в ней говорится, что И. К. Кириллов особенно свое «достоинство засвидетельствовал» имеющейся у него «натуральною околотою и ландкартам и географическим описаниям. И понеже он первый начал на себя труд Всероссийской ландкарты собирать и через обретающихся при сенате геодезистов Атаке Российской империи и Генеральную Российскую ландкарту сочинять, то за оное икоже и за другие... труды... обер-секретарем сенатским произведен». Затем П. Рычков отмечает, что И. К. Кириллов «был великий расчетлив и любитель наук, а особливо математики, металовки, истории, экономии и металлургии, не жалел притом никакого своего труда и влечения. И зотя, — продолжает П. Рычков, — он имел разные — человеческие недостатки», и деятельность его подвергалась неоднократно критике и нареканиям. — «...но сию правду понятию надлежит ему отдать, что он о пользе государственной, сколько знать мог, прилежное имел попечение, и труды к трудам до самой своей кончины прилагаа, предпочитая интерес государственный паче своего, и яко он Оренбургской новой линии, которую не только вся Башкирия ныне ограждена, но и вся Казанская губерния и немалая часть Сибирской от степных народов прикрыты, он первый действительное основание положил»¹.

Во время работ Оренбургской экспедиции И. К. Кириллов² был уже серьезно болен туберкулезом и вскоре, в 1737 г. умер в Самаре (ныне г. Куйбышев), где и был похоронен.

¹ П. И. Рычков. История Оренбургская (1730—1750 гг.). Оренбург, 1896 г., стр. 28—29.

² До сих пор ни разу не был опубликован портрет И. К. Кириллова. К сожалению, мы не можем его дать и в настоящему очерку. Известно, что в каталоге «Дальковского собрания изображений русских деятелей», М., 1887, под № 46 числится: «Иван Кириллов, первый русский картограф, статистик ум. в 1738 г.».

Портрет этот был, очевидно, выставлен В. А. Дальковым в особой галлерее при публичном музее в Москве. В 1852 г. Дальков инвентаризовал свое собрание портретов Румяновскому музею. В начале 20-х годов нашего века это собрание было передано из Румяновского музея в Государственный Исторический музей (Москва), где и следует, очевидно, искать портрет Кириллова. Однако, по известным нам сведениям его найти пока не удалось.

«ЦВЕТУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

Полное название сочинения И. К. Кириллова таково:

«Цветущее состояние Всероссийского Государства

в котором

ничего, пришло и оставил неизреченными трудами

Петр Великий,

отец отечества,

император и самодержцу Всероссийский
и прочих, и прочих, и прочих,

Книга первая,

в которой описаны губернии и провинции,

о них

Города гарнизоны, артиллерия, канцелярии, конторы,
управители с подчиненными, спарни, конистыры, деревни,
число душ, расположенные полки, и доходы, как оные ныне
состоят губернии

Санктпетербургская, Московская, Смоленская, Киевская,
Воронежская, Рижская, Ревельская.

Во второй книге под тем же заглавием описаны губернии
Нижегородская, Казанская, Астраханская, Архангелогород-
ская, Сибирская.

В конце второй книги приложены генеральные ведомости
и таблицы: о губерниях, провинциях и городах; о доходах и
расходах; о войсках регулярных и нерегулярных; об артил-
лерии флота и адмиралтействах.

Книга (обе части) имеет почти 400 страниц большого
формата в четвертую долю листа.

Главным предметом описания являются города, на кото-
рые И. К. Кирилов, отражая взгляд того времени, смотрит,
как на военные укрепления и центры государственного
управления. Кирилов при описании городов отмечает, «глав-
ного строения этот город», т. е. какая ограда — каменная,
деревянная (из каких пород дерева), земляная и т. п. В каком
они состоянии. Сколько в каждом городе артиллерии: пу-
шек, пищалей, дробовиков и т. д. Иногда указано и время
построения города. Весьма подробные сведения даются об
административном и военном управлении, перечисляются
все без исключения должности в канцеляриях, конторах

и магистратах (т. е. из штат), также же подробные данные даются о расположении и численности военных сил государства. Эти сведения дамы по преимуществу в табличной форме: на одной стороне должности и чины, на другой — их численность.

Более отрывочны и кратки данные о купечестве и торговле. Это объясняется, очевидно, тем, что хотя значение купечества в государстве стало понижаться еще с конца XVII века (городские реформы Петра I, 1698 г.), но сведения о торговле и доходах купечества собирались медленно и в незначительном объеме.

И. К. Кириллов в «Кратком Известии» (предисловии к первой книге) сам отмечает: «В одном городе число купечества или церковей написано, а в другом, из которого еще ведомостей не прислано, тамо и безизвестно оставлено».

В тех случаях, когда И. К. Кириллов все же пишет о торговле и ярмарках, это получается весьма интересно.

«Киевское купечество состоит большей частью в отъезжих торгах в Польшу, в Шлезию, в Гданск, в Турецкие области, отвозя юфть и мякотные и китайские товары, а из природных малороссийских войск анис, табак и скот конюют.

В Киеве на Подоле бывають ярмарки: в неделю первую великого поста, другие сентября 8, третья у Пустынского монастыря мая 9 дня, на которых ярмарки приезжают торговать из малороссийских городов и из-за польской границы» (стр. 135, ч. I).

Вот яркая картина «коммерция» Астрахани: «Купечества жителей астраханских русския обретается не великое число, только приезжих из прочих российских городов: ...армяк, индийцев, персиян, бухарцев и погайцев, живущих при Астрахани многое число.

Торг бывають в Астрахани по утрам, на татарском базаре. А по полудни в городе на русском базаре и в гостиниц дворах.

Товары больше в провозы черта Астрахань идут, то есть немощные сукна и другая из России, мягкая рухлядь, юфть и полотно в Персию, из Персии же шелка и шелковые парчи, выбойки и швы в Россию, особливо за моря шелком множество, также прежде заживали караваны в Бухарию, и в Хиу, а ныне оной торг пересекся по причине учиненной обиды в 1718 г. над князем Черкасским от диванцев; также в Астрахани лошадей и скота довольно в торгу бывають» (стр. 26, ч. II).

В книге имеются сведения о фабриках и заводах, о различных промыслах, почтах и расстояниях между ними; сведения о школах, госпиталях, монастырях, церквях и т. п.

Учитывая теоретическое состояние статистики и географии того времени, а также крайнюю скудность материалов, которые можно было положить в основу подобного сочинения, нужно признать, что И. К. Кирилов в своей работе, написанной 220 лет тому назад, решил поставленную перед собой задачу смело и оригинально, опередил во многих отношениях западно-европейских ученых. Сама табличная форма, в которой дана большая часть сведений, представлялась по тем временам новостью, и член-корреспондент Академии наук СССР М. Птуха с основанием отмечает, что неправильно приписывают эту заслугу датскому ученому И. П. Ахверсену (как обычно делают): труд последнего вышел в 1741 году, через 15 лет после того, как было написано «Цветущее состояние Всероссийского государства»¹.

О значении работы И. К. Кирилова для исследований в области русской промышленности можно судить хотя бы по тому, что он впервые дал весьма полный перечень заводов и фабрик первой четверти XVIII века, а также их общий итог — 233 предприятия. Эти данные с теми или иными поправками вошли в современные нам учебники по истории народного хозяйства России. Работа И. К. Кирилова является важнейшим первоисточником в этом отношении.

Интересные сведения сообщает И. К. Кирилов и о слесарском хозяйстве, хотя они скуднее, чем данные в области промышленности. Из работы можно узнать число крестьян, обложенных подушным «семигривенным» сбором на содержание расположенных в губерниях полков. Встречаются и сельскохозяйственные характеристики, особенно когда речь идет о менее известных окраинных областях государства.

Вот пример подобной характеристики: «Наперед того (т. е. раньше, — А. Н.) при Царицыне и Саратове городах ничего в полях и степях сеять за опасением внезапных приходов не смели, и ныне хлеб довольно родится, также огородные овоцы, арбузы, дыни и прочее умножено» (стр. 30, ч. II).

¹ М. Птуха. Очерк по истории статистики XVII — XVIII веков, 1945 г., стр. 286.

В книге довольно часто встречаются исторические справки в виде отдельных замечаний, когда речь идет о новых, освоенных местах. Сибирским же губернским предпослана даже целая историческая глава «О Сибирском царстве», рассказывающая о завоевании Сибири Ермаком.

Здесь же составлена генеалогия сибирских ханов. Замечательно, что Камчатка, «сыскаемая» всего лет за тридцать до того, как И. К. Кирилов стал составлять свое сочинение, нашла уже в нем довольно подробное отражение; изложена история завоевания Камчатки; о «Камчатском народе» сказано, что он неоднороден, имеет разные языки «с прочих Сибирскими иноземцами ничем не сходен», и мужской пол весь «пустобородой». О хозяйстве их говорится: «лошадей и скота никакого не выкут, только много олений; питаются рыбой, травой и кореньями; соболей, лисцу, бобров камчатских ловят множество, которыми зверем покоренные камчадалы и неск платят. Из русских товаров пылойку, китайку, топоры, котлы, шлем, наперстки, отчасти красивые сукна на зверя охотно меняют».

Далее И. К. Кирилов сообщает ряд сведений этнографического характера: об одежде, семье, характере строения камчадалов и т. д.

Наконец, он дает описание трех возникших на Камчатке русских острогов (Нижний, Верхний, Большерецкий). И все это почти за два десятилетия до появления на свет классического труда Степана Крашенинникова о Камчатке (1736 г.) и даже до начала его путешествия (стр. 100—103, ч. II)¹.

Из приведенных примеров видно, что И. К. Кирилов пытался весьма широко и многосторонне освещать человеческую деятельность, включая в свое изложение вопросы экономики, этнографии и истории описываемого края.

И. К. Кирилов старался внести в описание также характеристику природы, причем с известной экономической оценкой. Правда, отсутствие достаточных данных позволяло ему это делать в сравнительно редких случаях. Единственно, что И. К. Кирилов указывал систематически это местоположение и топографию городов. «Тобольск, сто-

¹ Наме нам известно, что И. К. Кирилов проявил большой интерес к Камчатке в связи с исследованиями Беринга.

личный город Сибирского Царства, стоит на высокой горе при устье рек Тобола и Иртыша» и т. п. (стр. 60, ч. II).

Иногда отмечал он и характер местности — например лесной или степной, отмечал соляные озера, серные источники и т. п. Некоторые местности получали весьма полную характеристику.

Недостатки своей работы И. К. Кирилов сознавая хорошо. В предисловиях к первой и второй книгам он указывает на скудность материалов: «ибо сколько ныне можно ведомостей собрать на этого и сочинена». Важно отметить, что во втором своем «Уведомлении» он дал интересную для того времени программу описания и указал путь ее осуществления: «А к наибольшему и полнейшему собранию и описанию каждого города и народа, еще zeloe нужно было для большего и совершенного знания о состоянии Всероссийской империи ее величества, плоскостные мест, городов, рек, купечества, и всяких торгов товаров, о состоянии и правительстве разных народов, о войнах, мирах, границах, портах, о генеральной известии и описании Российского правления, высочайших законов от их императорского величества законов, о высочайшем дворе императорском, о чинах коронных, коронационных, свадьбах и о прочем, надлежит собрать ведомости на губерний и городов и другие ведомости». Нужно заметить, что сочинения, удовлетворяющего подобному замыслу, не было в то время в Европе.

И. К. Кирилов закончил свою работу в 1727 году, но напечатана она была лишь через 104 года — в 1831 году, причем судьба подлинника неизвестна. Издание было предпринято крупным историком середины XIX века М. Погодиным с рукописного списка, хранящегося в библиотеке курского купца Голанкова, автора многотомного труда «Делния Петра Великого». Библиотека Голанкова перешла по наследству к В. Карамзину; от последнего Погодин и получила рукопись в 1829 году.

Погодин сразу же оценил большое научное значение сочинения И. К. Кирилова. «Оно заключает в себе любопытное верное описание петровской России, которая служила основанием комиссии, представляет драгоценные материалы для поучительных сравнений и рассуждений о нашей новой истории, — в, наконец, служит необходимым пособием историку нашего великого преобразователя, и дает право перед всеми европейскими государствами гордиться

древнейшую обстоятельную статистику»¹. Интересно отметить, что один из экземпляров издаваемого «Цыгудского сочинения» был приобретен Пушкиным и хранился в его библиотеке².

«АТЛАС ВСЕРОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ»

При всем разнообразии интересов И. К. Кирилова настоящим его призванием была картография.

С именем И. К. Кирилова связано создание русской картографии, основывающейся на материалах геодезической съемки огромной русской территории. Те карты, которые были в России до этого времени, не имели ни астрономической, ни геометрической основы. (Некоторые из них принадлежали иностранцам, как, например, карта Витазена, изданная в Амстердаме в 1687 г., отечественная картография еще в XVI веке создала «Большой Чертеж», а в конце XVII века Семен Ремезов составил «Сибирский Чертеж».)

Геодезические съемки начались в 1719—1720 годах, когда послана была в разные места первая партия геодезистов.

В 1728 году И. К. Кирилов настоял на расширении работ, в связи с чем была послана вторая партия. Постепенно стали поступать в печать, т. е. к И. К. Кирилову, геодезические карты. Стремительный Кирилов решил, что карты должны быть опубликованы сейчас же. Так родилась идея первого русского атласа. Замысел был чрезвычайно обширен. Это видно из заглавного листа атласа:

«Атлас Всероссийской Империи, в котором все ее уезды, губернии, провинции, уезды и трандуны, сколько воз-

¹ См. «Цыгудское сочинение Всероссийского государства», Предисловие («От издателя»).

Об издании издания «Цыгудского сочинения Всероссийского государства», см. статьи в «Темском» за 1831 г., № 14 и 15 и «Московской телеграф» № 12 за тот же год. В редакции «Московского телеграфа» (изд. Пальмова) Погодин как издатель был, между прочим обременен в том, что он «выдал старое за новое», что сочинение Кирилова было издано в 1797 г. (т. е. за 34 года раньше) в XVIII томе «Дополнений к деяниям Петра Великого» И. И. Голеницына. Обвинение это, однако, несправедливо. И. И. Голеницын действительно широко воспользовался работами Кирилова, но привнес и много других источников (в частности, много взял у Таланова) и вложил это все по-своему в своем издании. Поэтому XVIII том «Дополнений» есть во многом работа Голеницына, а не Кирилова.

² См. Б. А. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, СПб., 1910 г.

вотли российские геодезисты, описав оные и в Лондонском полагать по длине и широте, точно представляются, и города, и пригороды, монастыри, слободы, села, деревни, деревни, деревни, реки, моря, озера, зветным торы, леса, балота, большие дороги и прочая со всяким прилежащим исследованные российскими и латинскими именами выписаны именованы трудом и трудением *Ивана Кирилова*. Весь сей Атлас разделен будет в три тома и будет содержать в себе всея на все 360 карт, ежели время и случай все оные собрать и тридцатеро напечатать довершить. Длины начало свое имеют от первого меридиана, через остров *Давдан* и *Эгело* проведенного, кончатся в земле *Камчатке*, так что Империя Российская более 130 градусов простирается, которых всея земной широте 360 в себе содержит».

Это же заглавие внизу было повторено на латинском языке.

Такие колоссальные картографические задачи не ставились тогда ни в одном государстве.

Проектировавшиеся три тома, по 120 карт в каждом, должны были охватить все части Российской империи: первый том — северную часть России, второй — южную и третий — западные и сибирские страны. Замечательно, что «В приобщении к последнему тому» предполагалось издать исторические и географические карты «...о городах древних же и новых и о народах, о доможествах и житию человеческому на коммерции...».

Таким образом, у этого талантливого ученого возникла мысль о необходимости экономической картографии. Эту же мысль в одной из своих работ высказывал в М. В. Ломоносов. Экономическая картография стала развиваться значительно позже.

При создании атласа И. К. Кирилов встретил крупные препятствия. Начал он свое дело еще до открытия Академии наук в Петербурге, когда никто не мог ему оказать серьезную помощь (первая карта атласа составлена в 1722 г.). Когда открылась Академия наук (1725 г.) проект И. К. Кирилова о срочном издании Атласа не встретил особого сочувствия, наоборот, он даже натолкнулся на противодействие академика И. Делавэ, приглашенного из Франции и начавшего составление Академического Атласа.

И. К. Кирилов, увидевший крайнюю нужду в картах для практической деятельности государственными учреждениями, торговлей и т. д., решил преодолеть все препятствия и добиться

издания карт. Его побуждало к этому еще также стремление показать в картах мощь и величие России, принимаемых иностранцами: «...кратко приношу, что меня принудило впервые зачать географические российские карты в один атлас собрать: тот недостаток, которого в чужестранных картах терпеть не мог, ибо многим нескладством и более немалые места пустою землею описывают и в карты ваддут...» («Покорнейшее объявление»).

Патриотизм И. К. Кирилова сказывается также в том, что он не желал пользоваться для России «чужеземскими» меридианами и выбрал за начальный — меридиан островов Даго, Эзель (Хиума, Саарема).

Иностранец Деламб тормозил издание карт И. К. Кирилова под тем предлогом, что карты не отличаются точностью, возражала против выбранного И. К. Кириловым начального меридиана и т. д. Деламб сделал даже попытку отстранить И. К. Кирилова от картографических работ, как якобы недостаточно подготовленного.

И. К. Кирилов, видя, что работы Деламб идут крайне медленно, решила издать атлас под свою ответственность и за свой личный счет.

В 1734 году появляется «Покорнейшее объявление о атласе Российском», которое И. К. Кирилов начал такими словами: «Прежде сего осьмого надесеть века о российской империи географическое описание собственно на российском языке свершенную скудность имело, но только от одних чужестранцев зависело и зависит».

Одновременно с «Покорнейшим объявлением» вышел и первый выпуск самого атласа; он состоял из 14 частных карт и одной генеральной. Вот их перечень:

1. Финляндия 1732 г.
2. Карта русско-шведской границы 1722 г.
3. Выборгский уезд 1722 г.
4. Ингерманландия 1727 г. (побережье Невы и Финского залива).
5. Б. Карельское воеводство 1727 г.
6. Олонский уезд.
7. Каргопольский уезд.
8. Белозерский уезд.
9. Астраханские владения.
10. Русско-китайская граница 1730 г.
11. Дальний Восток от устья р. Уды до Аллети и от Китайской границы до истока р. Нерчи.
12. Часть Великой Першии 1732 г.
13. Солонская провинция, меридиан земли.
14. Палан: Иркутск, Ново-Троицкой крепости при Казе речки, Удвинск, Петропавловской крепости, Торговой слободы, Сургутан на Аргунь и другие.
15. Генеральная карта России¹.

¹ Список карт дан по работе М. Боднарского «Первые русские географические атласы», 1932 г. Первые карты составляли по заказу царя, размещались в кабинете императора Академии наук в 1729 г. Другие источники дают несколько иной набор карт и другие

Размер атласа 54×34 см. Генеральная карта составлена в масштабе около 285 верст в одном дюйме. На ней нанесены только губернии и главные города этих губерний; нагрузка особенно азиатской части очень слаба. Но это первая карта, давшая целостное представление о всей территории России на основе современных картографических приемов (с градусной сеткой и т. п.). Остальные карты имеют масштаб в 4—5 раз больше масштаба Генеральной карты и богаче содержанием (лучшей из них считается карта Выборгского уезда. На ней нанесена граница между Россией и Швецией, установленная по мирному договору, заключенному 30 августа 1721 года, и проведенная в 1722 году). Географическая градусная сеть дана почти на всех картах. Проекция коническая. На картах без градусной сетки обозначены градусы и минуты за рамками (например, Белозерский, Каргопольский уезды). В одном из углов карты помещен линейный масштаб, обычно в русских верстах и шведских милях (иногда в немецких милях). Отметим, наконец, что многие карты украшены гравюрами символического и этнографического характера.

Любопытно, что в оглавлении некоторых карт включены экономико-географические характеристики изображаемой местности, например: «Атласкарта Каргопольского уезда присудственного Белозерской провинции лежащего в северу к белому морю, в котором уезде никаких шведских местностей (имений, вотчин. — А. Н.) не бывало и нет; но все государственные крестьяне и несколько тамошних мона-

сты, так, например, в Словаре геономаста Евгения: Выборгская губерния — 1726, Ингерманландская и Кингисеппская — 1727 г., карты: Кашейской границы, Олонецкого и Каргопольского уездов — 1730 г., Белозерского уезда, Буларова, Пермья — 1731 г., Алафандки — 1732 г., северная и южная части Тобольской губ., уезд города Архангела и Генеральная 1732—1734 гг. (продуцированы в издательском бюро границ между Швецией и Россией).

А. С. Берг в недавней шведской статье «Восточный атлас Николая Карлсона» (Труды общества по истории естествознания, 1948 г.) сообщает, что им обнаружены в картографическом и географическом отделении библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде еще 11 неучтенных, но не опубликованных карт Карлсона, изображающих северную часть Тобольской провинции (1731 г.); Царство Сибирское (1732 г.); Юрьевский уезд (1733 г.), Селеный уезд (1733 г.), Кузнецкий уезд (1733 г.), Калмыцкий уезд (1733 г.); Угандский уезд (1733 г.); Архангельский уезд (год?), Нижегородский уезд (1732 г.); Нижнюю Волгу (год?) и Московскую (1734 г.). Кроме того, им обнаружены рунические карты Кузнецкого уезда (Сибирь) 1732 г.

старей восточн: сей уезд для севера хлебом скуден, но рыбою доволен: такжеде соляные варницы близ моря имеет: описан и ландкарта сочинена через геодезиза подмастера Кашкина в 1728 году. А выше для исполнений Российского Атласа напечатана копитом Севастского Обер-секретаря Ивана Кириллова Гравировка на меди Алексей Зубов 1730.

Печатание карт представляло тогда немалые трудности. Прежде всего не было хороших мастеров по гравированию карт на меди. И. К. Кирилов в своем «Объявлении» писал: «Что же касается до художества вырезывания на досках в том себя ныне не могу зачитать, ибо шведя еще дело при первом случае рад был всяких мог сыскать художников таких составляя».

Далше первого выпуска дело, однево, не пошло, так как в 1734 году И. К. Кирилов был отвлечен на выполнение других работ, о которых будет сказано дальши.

Атлас И. К. Кириллова вызвал у современников немало критических замечаний. Ему ставили в вину многочисленные ошибки в картах, расстановку градусов не по общему меридиану, плохое оформление издания (кроме Генеральной карты), ошибки в переводе названий на латинский язык и т. д.

Даже В. Н. Татищев считал, что И. К. Кирилов допустил ряд «великих и непростительных погрешностей»¹. Сам И. К. Кирилов признавал серьезные недостатки своих карт, но оправдывался тем, что «сочинял по нужде, вместо формы будущей верной карты»².

Время, однако, оправдало И. К. Кириллова. Атлас был в ходу много лет и сослужил свою службу. Екатерина II через 50 лет нашла нужным купить для сената кириловский Атлас. Он получил известность за границей. За И. К. Кириловым твердо установилась слава составителя и владельца первого Атласа России.

Теперь карты этого Атласа являются драгоценной редкостью.

А. С. Боре указывает, что ему известны всего четыре экземпляра, хранящиеся: два — в Ленинграде и по одному — в Москве и Иркутске. В каждом из этих экземпляров разное количество карт.

¹ В. Ф. Гаучева, Географический департамент Академии наук, Приложение, стр. 134.

² Материалы для истории Академии наук, т. II, 1836 г., стр. 703.

ОРГАНИЗАТОР ЭКСПЕДИЦИЙ

«Сибирские или Камчатские экспедиции». Петр I не успел осуществить самые крупные из задуманных им экспедиций — на берега Тихого океана (если не считать двух небольших Евреинова — Лунина и так называемой «Обской») и на юг Урала, в казахские степи.

Роль И. К. Кирилова в экспедициях, получивших название Сибирских или Камчатских, раскрылась совсем недавно, после того как советские ученые обратили внимание на записку И. К. Кирилова от 1733 года¹.

Правда, в «Истории Академии наук», написанной в XVIII веке академиком Миллером, было несколько строк о И. К. Кирилове в связи с организацией второй Камчатской экспедиции и он назван там даже «главной пружиной»² в деле организации этой экспедиции, но на это в дальнейшем не было обращено никакого внимания.

Нужно заметить, что и сейчас наши сведения о значении деятельности И. К. Кирилова в организации экспедиций в Сибирь и Дальний Восток крайне скудны и требуют дальнейшего исследования.

Основная идея Камчатских экспедиций заключалась в укреплении позиций и дальнейшем распространении русского влияния на Тихом океане и на границах с Китаем.

Для осуществления ее предполагалось: 1) создать главный военно-торговый порт в Олутске (нужно иметь в виду, что граница с Китаем проходила тогда много севернее и Олутское море было самым южным из граничащих с Россией); 2) выяснить, имеется ли пролив между Азией и Америкой, что важно было для решения вопроса о том, можно ли морским путем проехать из Ледовитого океана в Тихий и завязать более удобные сношения с восточной окраиной империи, чем обычный сухопутный путь через всю Сибирь, а также достигнуть Америки, Индии и Японии; 3) достигнуть американских берегов, направляясь из Олутского моря; 4) выяснить пути освоения Дальнего Во-

¹ Известия Российского Географического общества, 1943 г., т. 75, вып. 2. См. Приложения к статье А. И. Андреева, Экспедиции В. Беринга, стр. 351 (известно это письмо опубликовано в «Материалах по истории России», т. I, изд. А. И. Добрянским, 1900 г.).

² Материалы для истории Академии наук, 1890 г., стр. 233 (на первом листе).

стока и даже возможности колонизации Америки и островов Тихого океана.

Записка И. К. Кирилова 1733 года представляет выдающийся интерес в отношении уточнения ряда моментов в деле Камчатских экспедиций и истории их организации.

Так, например, из нее мы впервые узнали, что «последним толчком» для отправки первой Камчатской экспедиции (под начальством Беринга) были недоразумения с китайцами о границе и споры о перебежчиках, причем в сенате не оказалось картографических и географических материалов для решения этих вопросов.

«...Когда между российским и китайским двором, — пишет И. К. Кирилов, — произошел несогласия для перебежчиков мунгаа и в постановлении границ, то его величество, будучи в сенате в 1724 году в декабре, желал видеть ландкарты сибирским землям, причем (я) имел дозволенье довести, что сибирской карты еще нет, по которой бы мог его величество удовольствие иметь, а есть китайские, в Пекине печатные карты, в коих в сибирские пограничные места отчасти показаны».

Из русских карт И. К. Кирилов смог указать только на Камчатскую карту, составленную Ефремовым. Петр приказал сделать сподку всех картографических материалов о Сибири, что И. К. Кирилов «через одну ночь свосеручию нарисовал и обьявил». Но эта карта мало могла помочь в решении вопросов русско-китайского конфликта. В конце этого же месяца (23 декабря 1724 г.) Петр подписал указ о «Сибирской экспедиции» (первой Камчатской экспедиции):

Устанавливая связь отправки первой экспедиции Беринга с инцидентами на китайской границе, любопытно отметить не случайный, видимо, характер того факта, что одновременно (1725 г.) было отправлено в Китай чрезвычайное посольство для улаживания пограничных вопросов и возобновления торговли.

Обратимся к характеристике участия Кирилова в грандиозных географических исследованиях мирового значения, известных под названием «Сибирских или Камчатских экспедиций»¹.

¹ Здесь, конечно, не может быть даже только-только полные характеристики этих экспедиций. За последние годы мы получили несколько исследований А. И. Андрусова, А. Петровского. В 1943 г. вышла работа А. И. Ефимова «Из истории русских экспедиций на Тихом океане».

При замысле Первой Камчатской экспедиции Беринга (1733—1739 гг.) И. К. Кирилов, несомненно, находился в числе ее старожеников, но его активная и самостоятельная роль проявилась позднее, после смерти Петра I.

И. К. Кирилов считал, что Беринг «только одно известно—соединится или не соединится Америка—привозит, а о интересе настоящем (т. е. приобретении земель, торговле и т. п. — А. Н.) от него ожидать нечего»¹. Поэтому он искал случая, «каким бы образом туда для сыскания и подданство новых земель и иных полезных дел кого возбудить».

В 1727 г. в Петербурге появился казачий голова Афанасий Шестаков из Якутска, который настаивал на замысле его на Камчатку для открытия новых земель и островов. Это был, видимо, довольно сведущий человек о многих районах Северо-Восточной Сибири. И. К. Кирилов заинтересовался рассказами Шестакова, сделал даже по его указаниям ряд исправлений на упоминавшейся выше сводной карте Сибири, составленной по распоряжению Петра I, которая до последнего времени неправильно считалась картой Шестакова².

Благодаря хлопотам И. К. Кирилова, параллельно Камчатской экспедиции была организована экспедиция под начальством якутского казачьего головы А. Ф. Шестакова. Официальным поводом для ее организации, независимо от работавшей уже экспедиции Беринга, послужило, между прочим, ошибочное утверждение Шестакова, что «Большая Земля», т. е. Америка, находится против устья Колымки в Ледовитом океане. Следовательно, предполагалось, что Беринг должен искать ее в Тихом океане, а Шестаковская экспедиция — в Ледовитом.

Шестаковская экспедиция состояла из двух отрядов: один чисто военный, другой — морской, ставивший целью отыскание новых земель и островов. В последний были включены геологист, который бы мог дать «описание и

¹ Возможно, что одной из причин такого отношения к первой экспедиции Беринга («Малой», как ее иногда зовут) было и то, что ей не предшествовало никакой карты. Мы увидим, что в этом направлении шел в дальнейшем усилки Кирилова при организации экспедиций.

² См. А. И. Андреев, *у. соч.*, стр. 37, прим. 5. Эта карта (с замечаниями и исправлениями И. Демьяна) воспроизведена в работе А. С. Верга «Открытие Камчатки и экспедиция Беринга» между стр. 103 и 109.

основательную ландшафтную, штурман, подштурман и др. И. К. Кирилов особенно ставил себе в заслугу то, что ему удалось присоединить к экспедиции специалиста по поискам полезных ископаемых, «которого в такую дальность уговодил и сынов издала» (записка И. К. Кирилова 1733 г.).

Экспедиция Шестакова, вступая обязанности своим осуществлением И. К. Кирилову, сыграла значительную роль в обследовании на Дальнем Востоке.

Участники ее Федоров и Гензель достигли берегов Америки к северо-востоку от мыса Принца Уэльского и впервые занесли их на карту.

Позднее они соединились с Камчатской экспедицией Беринга¹.

В 1730 г. вернулась первая Камчатская экспедиция Беринга, и И. К. Кирилов, используя сведения, доставленные экспедицией, немедленно составляет проект освоения и административного устройства Дальнего Востока² (1731 г.). Известные шаги в этом направлении, не без участия, по мнению И. К. Кирилова, принимались и до этого. Так, был указ об устройстве в Охотске порта и о назначении туда командиром, находящегося в ссылке в Якутии, бывшего генерал-прокурора Г. Г. Скорнякова-Писарева.

И. К. Кирилов в своем проекте впервые изложил систему организационных мероприятий по освоению Дальнего Востока. Он предлагает перевести в Охотск, урочище «Крест» (на пути из Якутска в Охотск), камчатские остроги и т. д., несколько десятков семей маньчжунских крестьян и туземцев, дать им льготы в податях, обеспечить на два года зыбком, деньгами («рублей по десяти») и т. д. Особое внимание И. К. Кирилов уделяет привлечению в новый порт купечества, для чего предлагает на 10 лет освободить его от уплаты пошлин при перевозке товаров. Затем он предлагает перевести в Охотск человек 300 служилые люди из Якутска, которые бы жили там постоянно, а не временно, как это было до сих пор. То же предлагается и в отношении главных командиров и офицеров.

Далее речь идет об организации в Охотске судостроительства. Для этого, по мысли И. К. Кирилова, необходимо

¹ Подробности см. А. Подровский, В. Беринг и его экспедиция, стр. 11—12 (в книге «Экспедиция Беринга», 1941 г.).

² Проект этот не опубликован и находится в ЦГАДА ф. сената, кн. № 616, л. 52—57; сообщил сенату генерал-прокурором Якутским при предложении 27. II. 1731 г.

набрать мастеров судовых человек двадцать — «из семаных или из других» и послать в Охотск, а для руководства прислать туда специалиста из Адмиралтейства. Чтобы не было «напрасного провозу» смолы из Якутска, И. К. Кирилов, основываясь на данные экспедиции Беринга, считает возможным получать смолу в районе р. Уда и на Камчатке «повоже на Уда соснового, а на Камчатке лиственничного лесу довольно».

Тоже в отношении железных частей для судов, И. К. Кирилову казалось, что для того, «чтоб не возить железа из Тобольска», достаточно прислать 2—3 человека с Екатеринбургских (т. е. уральских) заводов и завести ручные доминны, «ибо железной руды, сказывают, есть довольно».

В проекте указывалось также, что для организации сельского хозяйства в районе Охотска нужно завести туда скот и семена хлебных злаков (очевидно, не знали, что хлеб там не вырывает). Наконец, И. К. Кирилов обращает самое пристальное внимание на улучшение и правильную организацию водного и сухопутного транспорта между Якутском и Охотском, отмечая даже отдельные урочища и местности, представляющие какие-либо особые препятствия для связи и требующие потому соответствующих транспортных устройств. Проект составлен, несомненно, на тщательном изучении известных тогда географических сведений об этом отдаленном крае.

Интересны в излагаемом проекте и некоторые организационные идеи о создании местных кадров для морского дела. И. К. Кирилов требует, например, распространения грамотности и организации в Охотске школы, «из чего могут люди к службе знаящие вырастать, а им дураками оставаться».

Вскоре после возвращения Первой Камчатской экспедиции Беринга решено было продолжить экспедиционные работы. В 1733 году отправилась в путь так называемая Вторая Камчатская экспедиция — самая грандиозная из экспедиций того времени. В организации ее участвовал ряд учреждений (Адмиралтейская коллегия, сенат, Академия наук и др.) и лиц.

Горячим сторонником этой экспедиции и одним из главнейших ее организаторов был опять-таки И. К. Кирилов.

В упоминавшемся нами записке 1733 года И. К. Кирилов отсылается о Второй Камчатской экспедиции, как о

«важной экспедиции, каковой ни от кого никогда не бывало», и обосновывает ее задачи и значение: 1) «Могут ли Северным морем проводить до Камчатского или Полуостровного океана моря». При этом И. К. Кирилов делает такое примечание: «я по исследованию некоторых ковенную надежду имею, что могут». Отсюда видно, что И. К. Кирилов держался правильного взгляда на идею северо-восточного прохода, которую позднее развивали также выдающиеся ученые, как М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев, С. О. Макаров, Д. И. Менделеев. 2) «От Камчатки до самых американских берегов, где неизвестного места около 45 градусов длины дойти». 3) «От Камчатки же до Японии, между чем расстояния получено 10 градусов сев. широты притти». 4) «В том походе и веде сыскивать новых земель и островов и не подвластных, сколько можно в подданство проводить». 5) «Металлов и минералов осматривать». 6) «Разные наблюдения астрономические как на земле, так и на воде сделать и подлинную длину и широту сыскать». 7) Историю о древностях и новостях и натуральную сочинить и прочая».

Переходя затем к вопросу о пользе экспедиции, И. К. Кирилов считает, что Россия может оказаться в соседстве с Калифорнией и Мексикой, и хотя «богатых металлов, какие имеют испанцы, вскоре не получим, однакож со временем и готовое без всяким ласкою доставить можем». Гуманный метод действий России в отношении народов Америки И. К. Кирилов предлагал противопоставить жестокости испанцев («от испанцев весьма народ tremendous ожесточен») и он составил даже инструкцию, годную, по его мнению, для всех отсталых в своем развитии народов — как нужно действовать, чтобы «народов не ослаблять».

Далее И. К. Кирилов полагает, что многие острова и земли Тихого океана не могут «миновать российского владения», а японцы «же отринут» торг с русскими, так как «надобный товар будут получать из первых рук». Центром внешней торговли, по его мнению, должен быть Охотск (мы уже отмечали, что граница с Китаем тогда выходила у устья р. Уда на Охотском море), к которому вели через всю Сибирь «натуральные каналы, т. е. реки великие», и только в трех местах небольшие перевалы, а от Охотска морем путь, по мнению И. К. Кирилова, имеет то преимущество перед «европейцами, кои ходят в Ост и Вест-Индию», что не придется солнечный зной терпеть, пересекая экватор,

меньше опасностей от разбойников, и «смеря того, что они в проезде у чужих портов надзирают, а у нас все то поданным же в полосу придет».

Наконец, он отыскал оборонное значение утверждения России на Охотском море, так как в случае войны с китайцами «можно к ним от Олукка морем до самой Кореи на галерах или иных судах подходить».

Являясь обер-секретарем сената, И. К. Кирилов руководит подготовкой экспедиции к отъезду. Особенно много И. К. Кирилов хлопотал в отношении сформирования и снабжения всем необходимым академической группы экспедиции (в составе Г. Миллера, И. Гмелина и др.). Можно предположить, что идея послышки академической группы принадлежит ему. Мы уже упоминали о том, что Миллер считал И. К. Кирилова «главной пружиной» в проведении организационных мероприятий по подготовке Второй Камчатской экспедиции. По некоторым замечаниям Миллера можно судить, что академики обращались к И. К. Кирилову при всех своих затруднениях и недоразумениях, а Кирилову стоило не мало труда отпирать, наконец, в путь медлявших и пререкавшихся между собой академиков¹.

Подводя итоги участия И. К. Кирилова в Сибирских или Камчатских экспедициях, мы должны признать, что он много сделал в разработке задач этих экспедиций и оказал большую руководящую помощь по их практической организации.

С особым блеском развернулась деятельность И. К. Кирилова во время Оренбургской экспедиции, мысль о которой возникла у Петра, но в весьма общей форме. И. К. Кирилов почти один претворил эту идею в реальный и обоснованный план, отстаивал ее во всех правительственных инстанциях, организовал экспедицию и сам поехал с ней в качестве руководителя.

Этой экспедиции он целиком отдал последние годы своей жизни.

«Оренбургская экспедиция». Записка И. К. Кирилова 1733 года, упоминавшаяся неоднократно в предыдущем разделе, содержит в себе не только историю и характеристику задач Второй Камчатской экспедиции, но и проект организации новой — Оренбургской. В этом и была главная цель

¹ Материалы для истории Академии наук, т. 6, стр. 278.

ее составления. Записка начинается следующими словами: «...два дела великой и бессмертной не токмо славы, но и к расширению империи и к неисчерпаемому богатству открываются: первое известное — Сибирская и Камчатская экспедиции, второе еще не открытое — Каспиз-Кайсацкое и Кара-калпацкое и когда оные... к совершенству произведутся, то надежду подает, что ко многотому еще многим владениям российским и доходам ко облегчению поданных придут» (разрядка наша. — А. В.).

Это «второе» осуществилось благодаря настойчивости и энергии И. К. Кирилова в 1734 году в виде «Оренбургской экспедиции» (в начале ее называли «Известной экспедицией»). Задача ее была — постройка крупного города на р. Орь (на месте современного Орска) и системы укреплений. С этим связывались, как мы увидим, далеко идущие планы распространения русского влияния в Среднюю Азию и установления торговых связей с Индией.

Центром связи России с Персией, Средней Азией и Индией была в то время Астрахань. Но положение Астрахани не представлялось по тому времени достаточно удобным. Плавание по Каспийскому морю не привлекало купцов; к опасностям от разбой, обычным тогда на суше и воде, прибавлялись еще неблагоприятные природные явления, особенно штормы. Судосходству препятствовало также засорение устья Волги¹. Грунтовый путь был длинен и неудобен по природным условиям (отсутствие леса и т. п.) и шел по особенно беспокойным в отношении грабежей местам.

Петр I, завоевав персидские провинции на южной берегу Каспийского моря, пытался Астрабад, лежащий в 13 км от юго-восточной оконечности Каспийского моря, сделать центром «для бухарских и индийских торгов»². Это, однако, не удалось из-за сопротивления Хиванского ханства, на территории которого была уничтожена разведочная русская экспедиция князя Беконича (1717 г.). Эта неудача, повидимому, особенно укрепила мысль о необходимости пробиться в эти страны через казахстанские степи, построив опорный пункт на южной окраине Урала.

События развертывавшиеся в это время в Средней Азии, шли во многом навстречу желанию русского правительства. С начала XVIII века казахов стали теснить их

¹ П. Семенов. Словарь Каспийское море, т. II, 1865 г.

² М. Чудков. Историческое описание Росс, империи, т. II, кн. III, стр. 13.

Каспиз-Кайсацкое и Кара-калпацкое

соседи. Особенно большая гроза шла с востока от экигорские каалмыков (джунгар). Это заставило одного из наиболее дальновидных казахских ханов — хана Младшего жуза Абул-Хайра, — обратиться в 1731 году к России с просьбой о защите и покровительстве¹. В Петербург были направлены два посла с просьбой принять Младший жуз в подданство России. Это и послужило началом для одного из крупнейших событий того времени — Оренбургского строительства. В Младший жуз была немедленно отправлена Тенгеман с подарками хану и для приведения к присяге казахов Младшего жуза.

В начале 1734 года в Петербург прибыло посольство казахских и кара-калпакских старшин (кара-калпаки присоединились к казахам Младшего жуза для ведения соответствующих переговоров). Посольству оказывалось всяческое внимание — казакон знакомил с «сурьезными» вещами в Академии наук, показывали окрестности Петербурга, Кронштадта и т. п.

В связи с этими событиями И. К. Кирилов и начинает работать над планами новой экспедиции. В 1733 году он подает известную нам записку, а в 1734 году (видимо, в зареке) представляет в сенат свой окончательный доклад-проект «Изъяснение о Киргиз-Кайсадовой и Кара-калпакской ордах»².

Составление подобного проекта требовало серьезной научной подготовки. Из известной нам (весьма скудной) переписки И. К. Кирилова можно видеть, что он давно интересовался народностями Поволжья, Средней Азии и Ближнего Востока. Еще в октябре 1728 года И. К. Кирилов сообщает в Академию: «Здесь мне дал бог сына крепкого из народа башкирского веры бывшей магометанской, которой прежде крепчина будучи в Спасском училищном монастыре через два месяца по-русски писать и читать нарочито обучилась, и надлежало, что по принадлежности его будет проводником с аралского, бухарского и турецкого языков: ибо он о историях тамошних азиатских народов довольно сведом и тех языки учился и показывал мне про книги, кои в современном буду доставать и вас уведомлять»³.

¹ Киргиз-кайсаки (казахи) делились на три жуза: Младший, средний и старший — в Уралу с юга, Средний — с востока и юго-запада, а Старший — в Казахстане.

² Полное собрание законов (серия), № 4571.

³ К. Сатинский, ур. соч. Приложение, стр. 79.

Проект И. К. Кириллова обнаруживает большую осведомленность в области историко-географической географии среднеазиатских стран того времени и представляет весьма серьезный научный труд, интересный и сейчас с историко-географической точки зрения как показатель тогдашних представлений об этих странах в России.

И. К. Кириллов указывает в этом документе и политические мотивы необходимости в принятии подданства Младшего жуза и Кара-Калпакии, постройки города и укреплений граждан на р. Яик. Эти мероприятия, по его мнению, помогут ликвидировать набеги на русскую границу и связанный с этим уход русских людей в плен, предупредит подчиненные казахов и кара-калпаков зюлгорскими каалмыками и т. д.

Далее И. К. Кириллов обосновывает необходимость постройки города «и для отворения свободного пути в Бухару, в Бодокиан¹, в Балк и в Индию». Путь к новому городу будет, по мнению И. К. Кириллова, гораздо удобнее, чем путь в Астрахань, особенно если устроить еще пристань на Аральском море у впадения в него Сыр-дарьи.

Торговая со Средней Азией и Индией важна для России, так как оттуда, по мнению Кириллова, можно будет в изобилии получать благородные металлы и драгоценные камни.

И. К. Кириллов писал также, что Россия получит от этой торговли нужных для кавалерии лошадей, хлопчатобумажные ткани и т. д. И. К. Кириллов не жалеет красок на характеристику богатств этих стран (золото, серебро, диаманты и т. д.), сильно их преувеличивая. Он сравнивает правящие круги России примером обогащения испанцев и португальцев в Америке, где они «счастье сыскали».

В XVIII веке золото и серебро представляли собою привлекательность и считались единственным видом богатства нации (идея раннего меркантилизма). Между тем золота в России тогда не добывали из-за неразведанности месторождений.

Новый город, пишет И. К. Кириллов, подорвет монополию Бухары по торговле среднеазиатскими товарами с Россией, так как многим местностям Туркестана будет удобнее и ближе непосредственно сноситься с новым центром, минуя посредничество бухарских купцов. Азиатские товары должны меняться главным образом на русские сукна, что

¹ Правильнее Бодокиан.

благоприятно отозвался на развитии отечественной промышленности.

И. К. Кирилов указывал также, что водворение русской гражданственности в Башкирии даст возможность разрабатывать ее горные богатства — медь, соль, слюду и т. п.

Проект И. К. Кирилова был принят и ему же было поручено и формирование экспедиции; в помощники ему был дан А. Тевкелев.

Казалось бы, что И. К. Кирилову приходится расставаться с его любимыми географическими и картографическими занятиями. Однако И. К. Кирилов так сроднился с ними, что не мог и мыслить свое существование без них, поэтому он обращается с просьбой к императрице разрешить ему руководить и впредь геодезическими работами России.

В одной записке на имя президента Академии наук, присланной им позднее уже из Уфы (в 1735 г.), И. К. Кирилов объясняет это так, «чтоб зачатое нужное, полезное империи... дело не останит втуне; и не знаят посла в порок, что вода да и бросил; сего ради совесть моя всегда неспокойна меня делает, пока не увижу прямой след и настаиваю в сем деле»¹. Кроме того, И. К. Кирилов приложил все усилия к тому, чтобы придать своей экспедиции не только военно-политический, но и научный характер. Он ставил перед собой задачу изучить природные, экономические и бытовые условия края, а также провести картографическую съемку. В связи с этим И. К. Кирилов обратился в Академию наук с просьбой о непосредственном участии ее членов, в частности ботаника проф. Югана Анмана и архитектора К. Ф. Шеслера, в экспедицию. Однако оба упомянутых лица отказались. Тогда И. К. Кирилов взял в экспедицию, уже помимо Академии, довольно крупного ботаника И. Г. Гейнделъмина, служившего до этого в походной военной канцелярии фельдмаршала Миниха и получившего незадолго перед тем отставку. Затем в экспедицию были включены несколько геодезистов и ряд военных чинов, канцеляристов и т. д. В качестве бухгалтера И. К. Кирилов взял совсем тогда молодого Петра Рычкова, ставшего в дальнейшем крупным географом. На спосособности его И. К. Кирилов обратил внимание еще ранее во время работы П. Рычкова в петербургской таможне. Позднее к экспедиции были привлечены «астроном и математик» Завтов и др.

¹ К. Свенский, *из. соч.* Приложение, стр. 114.

проваляла Шансельбургская крепость, где останавливались по просьбе сына князя, Ладожский канал, по которому они проезжали, и другие достопримечательности.

29 июня И. К. Кирилов прибыл в Москву, где пополнял состав экспедиции рядом специалистов, но долго в Москве экспедиция не задерживалась и вскоре отплыла на одиннадцати судах (сам И. К. Кирилов до Коломны поехал сухим путем на почтовых). В начале октября И. К. Кирилов прибыл в Казань, где пробыл 2—3 недели, а 10 ноября был уже в Уфе. Здесь в распоряжении его отдали два полковых Пензенский полк и уфимский гарнизон. Кроме того была объявлена посылка половины уфимских дворян и казаков: уфимские, мензелийские и бирские малолетки¹ должны были присоединиться к отряду И. К. Кирилова; в Уфе уже была заготовлена провизия, а из Сибири шла 500 подвод с разными припасами под прикрытием роты солдат.

Сведения о юго-восточной окраине Русской равнины были настолько скудными, что И. К. Кирилов не знал, что в месте, называемому для постройки нового города, можно было пройти по р. Самаре, которая в верховьях своих близко подходит к Янгу (Уралу). Идя по Самаре И. К. Кирилов не встретил бы, вероятно, такого сопротивления, как при движении его из Уфы по реке Белой через самую заселенную часть Башкирской земли². Но о пути по реке Самаре он узнал позднее от сакмарского атамана Арапова.

По прибытии в Уфу И. К. Кирилов развертывает кипучую деятельность. Осуществление основной цели экспедиции — построение нового города и линий укреплений — оказалось задачей чрезвычайно трудной.

Вначале он старался действовать мирными средствами, но, столкнувшись с сопротивлением башкир, стал принимать крутые и жестокие меры.

Это была борьба, вызванная колониальной политикой русских господствовавших классов.

Следствием ее была не только реорганизация управления Башкирией, но и начало присоединения Казахстана.

Следует иметь в виду прогрессивный результат присоединения Казахстана к России. В сложившейся

¹ Молодые казаки, еще не служившие на действительной военной службе.

² П. Рычков. История Оренбургская, 1796 г., стр. 23 и Топография Оренбургской губернии, 1787 г., стр. 319.

Тогда исторической обстановке казатам грозила опасность порабощения на варварскими государствами Востока, в то время как с присоединением к России они вошли в круг более высокой культуры, а главное сблизились с великим русским народом, который помог освободиться им, как и другим народностям Российской империи, не только от царского самодержавия, но и от собственных эксплуататоров.

И. К. Кирилов построил по границе Башкирии до двух десятков укрепленных пунктов и заложил город Оренбург на месте современного Орска. Это было событие огромного значения. Известный русский географ первой половины XIX века К. И. Арсеньев писал: «Построение Оренбурга есть важнейшее для сего времени событие»¹.

И. К. Кирилов прибыл к устью Ори в августе 1735 года, 15 августа заложил крепость, 20-го ввел в нее команду, а 31-го — артиллерию, 31 же августа, после богослужения и трехкратного выстрела из пушки, был заложен сам город с девяти бастионами.

Незадолго до основания города, 7 июня, была объявлена «Привилегия городу Оренбургу», целью которой заключалась в том, чтобы различными льготами привлечь сюда купечество и ремесленных людей для осуществления тех далеко идущих торгово-промышленных целей, о которых говорилось выше².

Этот документ подчеркивает исключительное значение, какое придавалось развитию Оренбурга; городу были даны такие права, каких не знало русское феодальное городское законодательство ни до, ни после этого. Оренбургская «Привилегия» является уникальным документом в этом отношении³.

В строительстве городов и укреплений И. К. Кирилов выступает перед нами уже не только как географ-ученый, но и как географ-практик, так как ему пришлось заниматься выбором мест для новых населенных пунктов.

При выборе места для постройки Оренбурга политические мотивы заставляли русское правительство пойти максимально навстречу казатам. Город построили на повороте Урала к западу, и карта показывает, что Оренбург

¹ Журнал МВД, том VII, 1832 г. — К. И. Арсеньев, Извлечения, присоединенные в составе и числе городов и т. д.

² Полное собрание законов (первое), № 6384. —

³ И. Давыдов, Устройство и управление городов России, т. I, 1873 г., стр. 339—342.

занимал самый крайний юго-восточный выступ, какой только позволяла водные коммуникации речной сети в этой части России.

Казалось, что место выбрано достаточно разумно, с точки зрения географической «геометрии» того времени, когда особое значение имели водные связи. На деле вышло не совсем так — связь нового города с центральной Россией в условиях того времени оказалась недостаточно надежной и весьма тяжелой. Продолеваемость Оренбург-Орск должна была снабжаться, по мысли И. К. Кирилова, из свобод в бассейне р. Исеть. Для этого в верховьях р. Яика (Урала) еще раньше Оренбурга был построен Верхнеяицк (современный Верхнеуральск), но обеспечить надежную связь с сибирской стороной было еще труднее, чем с запада. Не совсем удачно было выбрано микроположение города, так как территория, непосредственно его окружающая, была бедна и не имела плодородных почв, а тому же город стал подыматься водой¹. В этих ошибках трудно винить И. К. Кирилова, поскольку ему пришлось действовать быстро и решительно в незнакомой местности. Все это привело к необходимости перенесения города на другое место.

Окончательно он обосновался в 1743 году в районе наибольшего сближения Яика (Урала) с р. Самарой: при этом местоположении обеспечивалась более тесная связь с Волгой. Но это передвижение Оренбурга на запад, как и полагал И. К. Кирилов, оторвало Оренбург от Среднего жуза, прилегавшего к Южному Уралу с востока и особенно богатого лошадьми и крупным рогатым скотом. Выходом из положения была организация крупного ярмарочного центра — Троицка.

То, что И. К. Кирилов хотел выполнить построением одного пункта, на практике оказалось удобнее осуществить в виде двух дополняющих друг друга пунктов — Оренбург (или г. Чкалов) на западной стороне Урала и Троицк — на восточной; причем и кирilloвский Оренбург-Орск играл тоже существенную роль в торговле со Средней Азией.

Как уже указывалось, Оренбург возник не один, а с целой сантой небольших городков и поселений, и иначе не могло быть: требовалась целая система связей по снабжению нового города хлебом, оружием, военными припасами и разными товарами.

¹Помимо собрания записок (серия) №№ 7876, 8630. Записка Неплюева («Русский Архив», 1871 г. стр. 639).

И. К. Кирилов пожелал, что связь с Россией правильнее налаживать от Самары, а не через Уфу. Самара была избрана И. К. Кириловым резиденцией Оренбургской экспедиции, она не обстроена Оренбург, и была сделана опорным организационным пунктом всего строительства. Дорогу от Самары на Оренбург И. К. Кирилов назвал «Московской» и вдоль нее по р. Самаре построена ряд крепостей и форпостов, из которых Бузулук и Сорочинская являются теперь городами.

Такая же линия крепостей была построена на верховном Яике. Мы уже упоминали Верхнеяицк (современный город Верхнеуральск). В связи с Оренбургом была построена также и Красноуфимск в верховьях р. Уфы, притока р. Белой, для переброски вооружения и других припасов из Екатеринбурга. Всего И. К. Кирилов построил, большей частью лично выбирая для них места, около двух десятков пунктов.

Насколько осуществлялись высказанные в проекте надежды И. К. Кирилова в связи со строительством Оренбурга? Насколько оказались правильными политические и экономические прогнозы И. К. Кирилова? Они сбылись с редкой точностью. Построение Оренбурга способствовало быстрому развитию производительных сил Башкирии. Оренбург сыграл также большую роль в присоединении к России Казахстана, а позднее и всей Средней Азии.

В торговом отношении Оренбург во второй половине XVIII века приобрел исключительное значение; Палаис характеризует Оренбург как один из важнейших провинциальных городов империи. Золото и серебро в течение нескольких десятилетий потовом направлялось через него в Россию из стран Ближнего Востока, как и предвидел И. К. Кирилов. Через него в Россию шли ласчатобумажные ткани, хлопок-сырец, фрукты, сотни тысяч голов скота.

Осуществляя огромные строительные работы, И. К. Кирилов руководил еще большими географическими исследованиями — изучал природу, историю, экономику, организовывал полные картографические съемки, составлял ученые записки и проекты.

По приезде в Уфу И. К. Кирилов прежде всего заканчивает начатую до него большую статистическую работу по переписи тептерей¹ и составляет законо списки башкирских

¹ Тептерями тогда называли башкирцев в Башкирии от гоним феодально-крепостнической эксплуатацией татар, марийцев, чувашей и др.

волостей по дорогам¹. Затем он срочно вымывает из Елизаветинбурга горного инженера и нескольких штейгеров и налаживает работу по разведке полезных ископаемых. Башкирям обещаются награды за указание рудных месторождений.

Наряду с геологическими были организованы и ботанические исследования.

Уже в декабре 1734 года И. К. Кирилов сообщает президенту Академии наук Корфу о первых результатах ботанических и геологических работ: «При случаеж моего пути обретенных разных трав и корней кои обретающихся со мною господа ботаник и аптекаръ мимо садом усмотрели о тех принял смелость вашему превосходительству каталог сообщить; и ежели оной угоден покажется тогда господам академическим чинам приказать отдать; в прочим кини сысканы натуральные камни и металлы и минералы о тех вперед донесу; а паче уповаю услужить когда в вынутых местах будущую весною буду...». Через несколько месяцев, в апреле 1735 года И. К. Кирилов сообщает Корфу об открытии новых видов растений и затем добавляет: «...что касается до натуральных вещей тех, до шести сот разных сортов собрано; а когда бог поможет Уральские горы и Яика и Белой рек берети и далее к Аральскому морю хорошенько осмотреть то надеюсь, высокославленный Академии парут не одну тысячу переслать»².

Как всегда, при научных изысканиях И. К. Кирилов думает о возможности практического использования природных богатств неизвестного края на благо своей родины. Узнав о богатстве рудных залежей меди около Табынска, он немедленно приказал строить там медеплавильный завод, не считавшийся даже с некоторыми возражениями главного начальника Уральских горных заводов В. Н. Татищева. Этим он положила начало горному делу в Башкирии.

Так, с самого начала И. К. Кирилов широко развернул геологическое и ботаническое изучение обширного и богатого края.

Но в центре внимания И. К. Кирилова были картогра-

¹ Башкирия в административном отношении делилась на четыре «дороги»: в западу от Уфы — Камская дорога, центральная и южная Башкирия составляли Ногайскую дорогу, восточная Башкирия — Сибирскую; северная дорога — Осинская — тянулась условной полосой к северу от Уфы.

² К. Савинск, ур. сбч. Православия, стр. 111 и 113.

фические съемки и связанные с ними топографические описания. Он получил, наконец, возможность осуществить свою давнишнюю мечту о непосредственном участии в полевых геодезических работах.

Выступив из Уфы, И. К. Кирилов сообщает из лагеря около деревни Чесноковки президенту Академии Корфу, что он послал «геодезии офицеров от Казани до Самары и до Яика, а оттуда Яиком рекою до Самары и до Уфы». В результате этих изысканий, — продолжает он: «все новое явилось: о чем сочинил ландкарту в Кабинет ее императорского величества послал». В этом же письме он просит президента Академии, чтобы ему скорее прислал обещанного «астронома и математика доброго» и при этом делает чрезвычайно характерное замечание: «Правда, может быть сожаление есть о жалованьи и извешнем расходе на такого человека, да чтож то стоит когда через него верное известие России получит таким местом, кони не могли никто в Европе слазные ученые люди подальшого описания достать»¹.

Находясь в этом же лагере около Чесноковки, И. К. Кирилов составляет записку «О приведении в совершенное исправление Российской генеральной и партикулярных ландкарт», где он излагает свой взгляд по многом расходясь с Даламем, на то, «Каким бы наилучшим образом верная и скорая места обозреть». Учитывая, что астрономические определения, при отсутствии в России необходимого числа астрономов и обширности ее территории, еще не скоро будут произведены в нужном количестве, И. К. Кирилов предлагает пока упрощенный способ — «Вдруг приказать два верных описания с мерой сделать» всех главнейших рек (Волга, Ока, Двина, Днепр, Дон, Кама и др.) и всех почтовых трактов и дорог. «Это важно для коммерции, так как проезжающие впервые будут знать верное расстояние, а не то, которое скажут»².

Измерения рек и дорог должны были, по мысли И. К. Кирилова, быть основой для составления новых карт.

Затем по существующим картам нужно дать границы губерний, провинций, уездов, а в каждом уезде селения, леса, поля, степи, знатные горы, озера, озерки, болота.

¹ Материалы по истории Академии наук, т. II, 1886 г., стр. 706.

² Материалы по истории Академии наук, т. II, 1886, стр. 707—709.

Города расставить по мере дорог и рек, а там, где есть астрономические наблюдения, то по ним.

В самые тяжелые периоды похода, в пути И. К. Кирилова неизменно думал и хлопотал о картографических работах.

В апреле 1736 года он сообщает в Академию из башкирской деревни Чорикеша о новых геодезических съемках, просит прислать инструменты и т. д. Он снова повторяет свою точку зрения на общие задачи картографических съемок России и, между прочим, интересно формулирует свой принцип в отношении издания карт: «Лучше новыми свет довольствоваться, нежели молчать: ибо по собрании новых наблюдений и описей может быть выдана быти новая и, как в этом свидетельствуют прочие земель карты, кои от времени до времени новыми обновляются»¹.

Последнее сообщение И. К. Кирилова относится к декабрю 1736 года. В нем он обещает прислать новые карты еще в эту зиму, что и было им выполнено в феврале 1737 года через В. Купришова.

14 апреля 1737 г. И. К. Кирилова не стало. Так, до последнего часа он служил русской картографии.

Необходимо отметить еще работы И. К. Кирилова по истории и этнографии Башкирии. Оказывается, он послал записки академику Миллеру, и в портфеле последнего найдены: «Известия гг. Кирилова и Гейнцельмана о сибирских и других азиатских народах» (8 тетрадей). Далее известно, что И. К. Кирилов вместе с Гейнцельманом сочинял «Генеральную генеалогию татарских ханов из древней истории и арабской хроник, доколе оные с древними временами России смежность имеют».

Таким образом И. К. Кирилов, возглавляя трудный поход, занимался обширной научной деятельностью.

И. К. Кирилов первый начал геодезическую съемку русской территории; выпустил первый атлас Российской империи, составил первый экономико-географическое описание России. Он первый начал изучение Южного Урала и научном отношении, построил город Оренбург и ряд других городов, положил начало торговому делу.

Его географический патриотизм, несомненно, оказал огромное влияние на окружающих, и, во всяком случае,

¹ Материалы по истории Академии наук, т. III, 1836, стр. 62.

И. К. Кирилов первый заронил искру любви к географии в душу молодого Петра Рычкова — выдающегося географа следующего поколения.

Географическая деятельность И. К. Кирилова отличалась широтой замыслов и непреклонной решительностью, энергией и смелостью исполнения. Это был человек большой интеллигентности, ума, таланта, всегда преданный русской науке, горючо любящий свою Великую Родину.

В. Н. ТАТИЩЕВ

Другим деятелем, стоящим у истоков русской географической мысли XVIII века, является Василий Никитич Татищев.

Подобно Н. К. Кириллову В. Н. Татищев был интомером Петра I.

Блестящий администратор, выдающийся знаток горного дела В. Н. Татищев поражает всякого, изучающего его деятельность, необычайной одаренностью. Он интересовался самыми разнообразными отраслями знаний: историей, географией, экономикой, законодательством, археологией, этнографией, филологией, руководил картографическими съездами, занимался механикой и геометрией.

Это был образованный человек своего времени. Осведомленность В. Н. Татищева в русской и европейской литературе по всем интересовавшим его вопросам была очень велика. Он свободно владел немецким и польским языками; знал латинский. Русская реакционная знать невидела его за вольнодумство, враждебность к церковным обрядам, духовенству и суверенам. В. Н. Татищев верил в науку и в ее пользу для народа.

При прекрасном знании западноевропейской культуры, В. Н. Татищев оставался подлинно русским человеком, всегда был против рабского подражания всему иностранному и высоко ценил силы и способности русского народа. Он боролся против немецкого засилья в правящих кругах и был врагом Бирона.

В. Н. Татищев давно признан первым русским историком, он же впервые заложил и основы отечественной

географии. Эти две науки — история и география — всегда стояли у него на первом плане.

В. Н. Татищев прошел тяжелый жизненный путь, полный подъемов и падений, тревог и борьбы.

Родился он в 1686 году в Пскове (в том родовом поместье около Пскова) и происходил из знатного, но запущенного

В. Н. Татищев

дворянского рода. Благодаря родственным связям, В. Н. Татищев еще семилетним мальчиком был принят в число стольников при дворе царицы Прасковьи Федоровны (жена царя Ивана Алексеевича, брата Петра I).

Учился В. Н. Татищев, как полагают, в московской артиллерийской и инженерной школе, заведывав которой крупный деятель петровской эпохи Я. В. Брюс.

В 1704 году (18 лет) он поступил на военную службу, был при осаде и взятии Нарвы; в 1709 году участвовал в знаменитой Полтавской битве, где Петр I окончательно разгромил шведские войска; в 1711 году — Прутском походе.

В период с 1713 по 1719 год В. Н. Татищев неоднократно посылал за границу для выполнения разных поручений. Он побывал в Берлине, Бреславле, Дрездене, Гданьске. Отличаясь острой наблюдательностью, он из этих поездок много вынес для расширения своего умственного кругозора. В эти поездки он приобрел много книг, главным образом по математике и военным наукам, а также и по истории и географии¹. В. Н. Татищев был страстным любителем книг и впоследствии не раз составлял себе огромные по тем временам библиотеки.

В 1719 году В. Н. Татищев состоял при президенте Берг- и Мануфактур-коллегии Я. Брюсе, высоко ценившем В. Н. Татищева с ученическими лет.

Брюс поручил В. Н. Татищеву составить географию России. Петр I чрезвычайно интересовался этим вопросом, так как в школах не было пособий для изучения отечественной географии. Переводные географии были полны неблизко о России.

Таким образом В. Н. Татищев, даже ранее И. К. Кирилова занимаясь географией России, но занимался ею с самого начала была сложнее, чем у последнего: его интересовали причины возникновения географических явлений. Вот почему он от географии постепенно, — как говорит сам В. Н. Татищев, — перешел к истории². Занятия эти продолжались долго, но все же В. Н. Татищев, всегда имевший в виду практические цели, успел подать записку о межевании земель в России и о составлении ландкарт. В 1720 году он был назначен руководителем горного дела на Урале. Там он проявил замечательную деятельность по строительству заводов, организации шиха (первых на Урале), составлению инструкций для заводских управителей, организации работы по разведкам полезных ископаемых, картографическим съемкам и т. п. Но больше всего его мысль была сосредото-

¹ Большинство этих книг появилось в Екатеринбурге и была подарена Татищевым в горную школу. Список книг (детальный) есть в ст. Н. Чупова «Библиотека В. Н. Татищева», «Московские ведомости», 1860 г., № 209.

² В. Н. Татищев. История Российская, кн. I, ч. I, 1768 г., стр. XX (Предисловие).

точены на отыскании места и строительстве административно-экономического и культурного центра Урала, будущее значение которого в ближайшей истории России В. Н. Татищев отчаянно понимал. Он нашел это место на берегу небольшой, в то время заросшей лесом речке Исети, и начал здесь строительство, положив тем самым начало современному Свердловску.

С самого начала своего приезда на Урал, В. Н. Татищев столкнулся с А. Демидовым, чувствовавшим себя до этого полновластным хозяином. Демидов пробовал подкупить В. Н. Татищева для того, чтобы последний не строил казенные заводы на Урале и смотрел «сквозь пальцы» на многие нарушения законов, допускаемые Демидовым. Но В. Н. Татищев не пошел на это. Тогда Демидов отправил на него жалобу в Петербург, обвиняя В. Н. Татищева в том, что он тормозит доставку хлеба на его заводы и отобрал часть принадлежащей ему пристани на Чусовой. Была, видимо, и другая обвинения.

Для объяснений В. Н. Татищеву пришлось ехать в столицу.

20 февраля 1722 года он прибыл в Петербург и через 5 недель возвратился снова на Урал, но уже в качестве подсудимого, а не начальника.

Объяснялось это тем, что у Демидова при дворе были высокие покровители, в частности, граф Апраксин. Обвинения, повидимому, считались серьезными.

В. Н. Татищев, вспоминая об этом времени через 22 года, писал: «Демидов через адмирала графа Апраксина так меня перед его величеством оклеветал, что все думали о моей погибели»¹.

Крупному сподвижку по горному делу и начальнику Оловянных заводов Геннину было поручено ехать на Урал, наблюдать там заводское производство и произвести следствие по делу В. Н. Татищева. С Генниным на Урал для очной ставки с Демидовым поехал и В. Н. Татищев.

Генни, произведя тщательное расследование, стал на сторону В. Н. Татищева. Его оправдали, и весь 1723 год он был на Урале, деятельно помогая Геннину в организации заводского дела.

Последний высший ценз В. Н. Татищева. Многие инструкции и распоряжения, подписанные Генниным, состав-

¹ П. Пеларский. Новые известия о В. Н. Татищеве, 1864 г., стр. 42 (см. Письма к Черкасскому).

длань В. Н. Татищевым. Им же построен ряд новых заводов и, в частности, Елошкинский медноплавильный завод, на месте которого теперь стоит гор. Молотов.

В ноябре 1723 года В. Н. Татищев выехал в Петербург с докладом о заводских делах и был принят лично Петром I.

Обратив на Урал он не поскал — была оставлена в Березоволегии и вскоре получила продолжительную командировку в Швецию.

Во время пребывания в Швеции В. Н. Татищев ездил осматривать заводы, собрал множество чертешей, познакомился со многими шведскими учеными, в том числе и с королевским библиотекарем Бреннером и упсальским профессором Бензелем; там же он встретился с полковником Стралебергом, бывшим в плену в России во время русско-шведской войны и подготовившим в это время к печати свою книгу «Северо-восточная часть Европы и Азии» (на немецком языке), содержащую географические, этнографические и исторические сведения о Сибири (за нее В. Н. Татищев впоследствии написал 225 замечаний на неправильное изложение или опровержение событий и 147 поправок неправильного написания русских названий).

При содействии этих ученых, всегда жадный до приобретения научных знаний, В. Н. Татищев познакомился с библиотекарями, архивами и музеями Швеции, заинтересовался сведениями о славянах России, встречающихся в шведских летописях, из которых Бреннер сделала для него обширное извлечение на латинском языке. Кроме того, В. Н. Татищев приобрел в Швеции много книг по истории, поэтике, географии, металлургии и т. п.

В это же время В. Н. Татищев написал научное письмо к проф. Бензелю о местонахождении мамонтовых костей в Сибири. Оно было издано на латинском языке, в 1725 году и привлекло внимание ученого мира. Письмо было дважды перепечатано в Швеции — в 1725 и 1729 годах, а в 1743 году было переведено на английский язык и издано в Лондоне. Это единственное, что В. Н. Татищев видел напечатанным из своих трудов.

Два года пробыл В. Н. Татищев в Швеции. Он хотел поехать также в Саксонию, но разрешения не получил.

В 1726 году В. Н. Татищев вернулся в Россию и составил отчет о своей поездке, где, между прочим, указал на необходимость некоторых перемен в монетном деле.

Очевидно, в связи с проектами в области монетного дела, В. Н. Татищев назначен членом монетной конторы в Москве, и в этой должности он пребывает до 1730 года. К этому же времени нужно отнести начало систематических занятий В. Н. Татищева историей, материалами по которой он начал собирать, как отмечалось выше, еще с 1720 года.

Выдающуюся роль играл В. Н. Татищев в событиях 1730 г. В этом году умер Петр II, и члены Верховного тайного совета набрали курляндскую герцогиню Анну Ивановну (дочь Ивана Алексеевича) императрицей на русский престол. При этом они хотели ограничить ее власть в пользу наиболее знатных фамилий, заставив подписать так называемые «кондиции». Это вызвало крайнее недовольство со стороны среднего и малого дворянства как, как тогда его называли, шляхетства.

В. Н. Татищев стоял за отмену кондиций и был главным теоретиком этого движения.

Еще до приезда Анны из Митавы в Москву, он составил записку «произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государством».

После приезда Анны в Москву были поданы многочисленные челобитные от дворянства, и одну из них сочинила В. Н. Татищев и лично зачитал ее императрице в присутствии Верховного Тайного совета, сената, генералитета, духовенства и дворянских депутатов.

Анна повалила «кондиции». Партия В. Н. Татищева победила. В противном случае положение его было бы весьма печальным, так как верхоявники сулили ему виселицу и пазуху, как он сам говорил в одном из писем.

В результате этих событий В. Н. Татищев получил повышение — был произведен в действительные статские советники и сделан главным судьей (председателем) монетной конторы.

Однако вскоре у В. Н. Татищева возник конфликт с графом М. Г. Головкиным, его непосредственным начальником.

В. Н. Татищев считал, что их соображения, не терпящей В. Н. Татищева за его независимый характер и патристическое направление мыслей. Кроме того, Берон вообще не любил талантливых людей. Кончилось тем, что В. Н. Татищев был обвинен в разных злоупотреблениях, отрешен от должности и отдан под суд. Положение опять стало весьма серьезным.

Между тем, невзирая на все невзгоды, В. Н. Татищев продолжал заниматься науками. Он энергично писал свою «Историю» и в 1733 году начал одно из замечательных своих сочинений «Разговор о пользе науки», в котором доказывала необходимость широкого распространения в России научных знаний, дал классификацию наук и изложил план развития школьного дела в России.

В 1734 году решено было сменить Голина на Урале; им были недовольны правительственные круги, к тому же он сам не хотел больше оставаться на Урале.

Повидимому, трудно было найти кого-нибудь, кроме В. Н. Татищева, известного знанием горного дела и административными способностями.

Суд над В. Н. Татищевым был незаконно прекращен (он был, повидимому, прощен именем указом императрицы Анны).

Указом от 10 февраля 1734 года В. Н. Татищев назначается командиром уральских, сибирских и казанских горных заводов.

В. Н. Татищев отклоняет инструкцию Берг-коллегии по управлению горными заводами Урала и добивается принятия составленной им самим инструкции, по которой ему предоставляется такая власть, какой никогда ни до, ни после В. Н. Татищева не имели горные начальники на Урале.

24 марта 1734 года он выехал из Петербурга в Екатеринбург.

Итак — снова на Урале.

1734—1737 годы проходят в самой энергичной деятельности по строительству заводов, число которых возросло до 40 (В. Н. Татищев намечал построить еще 36, что и было осуществлено впоследствии), по проведению дорог, устройству городов и т. д. В этот же период В. Н. Татищев положил начало эксплуатации знаменитой железорудными богатствами горь Благодать, которой он дал и имя.

В это же время В. Н. Татищев старался внести правильность и устойчивость в систему горнозаводского управления, и с этой целью занялся разработкой первого горного устава. В частности, В. Н. Татищев заменил все названия горных чинов и горных работ с немецких на русские, бросив тем самым смелый вызов засевшим в правительство и всеобщим тогда немцам временщикам. Это был поступок высоко патристический. В. Н. Татищев так и мотивировал его: «...совладеа, чтобы слава и честь отечества, в его труд

теми именами немедленно утеснены не были, ибо по оным именам могли себе ненадлежаще в разномыслии заводчиков честь приписать, еще же из того и яред усмотря, что не знающие тех слов шлодали в великое преступление, а дела во упущение, яко поавомочней все такие звания отставляя, а имена писать русскими»¹. Однако устав этот не был утвержден из-за противодействия Бирона.

Ведя большую организационную работу на Урале, преодолевая косность администрации и недовольство частных заводчиков, особенно А. Демидова и Строгановых, которые в начале 1736 года выдвинули из него новую жалобу, В. Н. Татищев все же вел и огромную научно-исследовательскую работу — руководил розысками полезных ископаемых и картографическими съемками, собирал всевозможные данные в области природы, земледелия, быта Урала и Сибири, продолжал писать свою «Историю» и приступил к осуществлению своих географических замыслов, составил первую в России научно разработанный анкету по географическому обследованию местности, географическое описание Сибири и т. д. Он вел также обширную переписку с Академией наук, доставлял туда сведения о местном крае.

В 1736 году произошли большие перемены в центральном горном управлении. По приказам Бирона был вызван из Саксонии барон Шемберг, а Берг-коллегия была реорганизована в Берг-директориум. Была задумана грандиозная спекуляция с передачей казенных заводов в частные руки, в результате которой нажилась бы Бирон и его ставленники, которые возжелали, по словам В. Н. Татищева, «оный великий государственный доход (т. е. доход от горных заводов. — А. И.) похитить». В. Н. Татищев в качестве начальника горных заводов на Урале мнил осуществлению этих замыслов. Поэтому его повышают в чине (произведя в тайные советники) и переводят возглавлять Оренбургскую экспедицию на место умершего И. К. Кирилова.

26 мая 1737 года он выехал из Екатеринбурга в Мензелинск, оставив Екатеринбургской горной школе всю свою библиотеку — более 1 000 книг. В. Н. Татищев пробыл начальником Оренбургской экспедиции два года. Он сразу же поладил с уфимскими воеводой Шемшинным. За Шемшинным

¹ В. Н. Татищев. *Летопись Российской... часть 1, стр. 144 (из Берг). В отношении борьбы В. Н. Татищева с иностранцами слышны интересны его письма к Третьяковскому от 18 февраля 1736 г.*

стояла целая кляка его приверженцев, засыпавшая Петербург докладами на нового, непокладистого начальника. Кроме того, В. Н. Татищев окончательно восстановил против себя Бирона разоблачением деятельности Шемберга.

В 1739 году В. Н. Татищев поехал в Петербург с докладом о положении дел в Оренбургском крае: там его задержали и отстранили от должности. Тотчас же была создана специальная следственная комиссия. Бирон лично вмешался в это дело, что не предвещало ничего хорошего. Есть указание, что В. Н. Татищев был даже посажен в Петропавловскую крепость. В 1740 году Бирону удалось подвести под суд и казнить политически единомышленников В. Н. Татищева — Волянского, Еропкина, Хрущева и др. (Хрущев был помощником В. Н. Татищева во время его второго управления уральскими заводами), казалось, что выхода для В. Н. Татищева уже нет. Как сам он смотрел на дело, видно из того, что он решил написать для сына «Духовнику», имеющую, кстати сказать, большой публицистический интерес. Его спасла, конечно, только смерть императрицы Анны и падение Бирона в ноябре 1740 года.

Оренбургский период также не был бесплоден в научном отношении. Прибыв в 1739 г. в Петербург, В. Н. Татищев привез законченный первый вариант своей «Истории». Она наделала шуму, но, как нередко бывает с работами, проявлявшими новые пути, принята была не только недружелюбно, а прямо враждебно: «Иному то, другому другое исправно было, — писал впоследствии В. Н. Татищев, — что один хотел, дабы просторнее и яснее писать, то самое другой советовал сократить или совсем оставить; да недовольно было того: являлся некоторые с тяжким порицанием, якобы я в оной православную веру и закон опровергал». Указывала и на то, что В. Н. Татищев якобы недостаточно учен и т. п.

В Оренбургский же период В. Н. Татищев открыл и исследовал два важнейших историко-юридических памятника: Судебник Ивана IV и «Русскую Правду» — в чем он положила начало науке по истории права в России.

В области географии больше всего внимания он уделяла, в это время картографическим съемкам, много хлопотал об улучшении ее качества. Им была написана интересная и обширная инструкция для геодезистов, составленная И. Деламом. Кроме того, он собирал материал для своего «Лексикона Российского».

Отметим также, что В. Н. Татищев познакомился в это время с молодым Петром Рычковым, будущим крупным географом, на которого оказал большое влияние.

В 1741 году правительство Анны Леопольдовны назначило В. Н. Татищеву в экспедицию на нижнюю Волгу.

В конце этого же года (25 ноября 1741 г.) при вступлении на престол Елизаветы Петровны было провозглашено возвращение к традициям Петра Великого. В. Н. Татищев, один из немногих оставшихся в живых сподвижников Петра I, мог рассчитывать на возвышение, но появились новые фавориты, а В. Н. Татищеву было объявлено «удовольствие» нового правительства, и он получил назначение губернатором в Астрахань.

Астраханская губерния занимала тогда огромное пространство, куда входила часть Казахстана и Сев. Кавказа, она включала пестрой калейдоскоп национальностей со всеми сложными перипетиями их взаимоотношений. При этом она была пограничной, и в ней большую роль играли вопросы обороны и внешней торговли.

Город Астрахань был одним из крупнейших и важнейших городов России, центром торговли с Персией и Средней Азией. Он представлял собой паразитическую смесь народностей, в нем жили русские, татары, грузины, армяне, индусы, персы, бухарцы, черкесы и т. д. Астрахань была крупным центром текстильной промышленности (шелковые и бумажные фабрики) и рыболовства.

В. Н. Татищев, уже больной и в преклонном возрасте, с обычной энергией принялся за реорганизацию экономики Астраханской губернии, состояние которой он нашел плохим.

Делал он это, как всегда, на основе всестороннего изучения природы и всех сторон жизни населения.

Сохранялись вопросы, которые В. Н. Татищев положил в основу изучения внешней торговли Астраханского края и соседних стран. Было точно выяснено, какие товары требовались за границу, какие в Россию, какие пути удобнее и т. п. Много внимания он уделял рыболовству, имевшему особое значение в этом крае, составил проект строительства городов и заселения Астраханской степи, покровительствовал торговле, дал, например, особые льготы армянским торговцам, снова вызвал к жизни их торговую компанию.

С английской торговой компанией В. Н. Татищев, наоборот, жестоко боролся, так как возглавлявший ее авантю-

рист Эдмонт вел весьма думьсленную игру и с Россией и с Персией. (Стрела для персов флот на Каспийском море, снабжал Персию и ее войска жизненными припасами, перевозила персидские войска на свои суда, между тем как английская компания получала от России большие льготы и покровительство.)

Борьба с Эдмунтом была одним из самых хлопотливых дел В. Н. Татищева во время его губернаторства в Астрахани. Но было много и других забот: борьба с морскими разбойниками, размен пленных с Турцией и т. д. К тому же все время существовала угроза вторжения со стороны Надиршаха (Персия), требовалась бдительность и осторожность на границе.

Интересны характеристики Татищева, данные двумя англичанами, бывшими в Астрахани: Ганвеем, сканским для ревизии дела английской компании, и путешественником Лерком. Небольшие отрывки из них любезно привнеси Ганвей дал такой отзыв о В. Н. Татищеве: «Давно управляли этим краем, много сделал для устроения татар; у него была особенная склонность к наукам и торговле. В искусстве благосприобретения он выказывал большую опытность... Этот старик был замечателен своей сообразительной шаржностью, изможденным телом, которое он старался поддерживать долголетним воздержанием, и, наконец, неутомимостью и разнообразием своих занятий»¹.

Лерк писал так: «В Астрахани губернатором был известный ученый Василий Никитич Татищев, который незадолго перед тем устроил новую Оренбургскую губернию. Он говорил по-немецки, имел большую библиотеку из лучших книг и был сведущ — в философии, математике и особенно в истории... Относительно религии он держался особенно убедительный, за которые многие не считали его православным. Он был болезнен и худощав и, несмотря на то, очень опытен и решителен во всех делах, умел каждому дать добрый совет и помочь, особенно купцам, которых он привел в цветущее состояние» и т. д.²

В астраханский период В. Н. Татищев написал крупную экономическую работу «Краткие экономические доверии следующие записки» (1742 г.), представляющую собою нечто вроде инструкции помещику, как нужно вести свое хозяйство. Работа эта содержит не мало важных агрономи-

¹ См. Н. Попова. Татищев в его время. 1861 г.

² Там же.

ческих советов и показывает большую эрудицию В. Н. Татищева и в этой области, но общая ее идеологическая основа не возмущается над обычными для того времени понятиями самих помещиков, с точки зрения которых крестьянин рассматривался как подчиненное существо, требующее неперестанного надзора. Но и здесь В. Н. Татищев ратовал за развитие грамотности среди крестьян. Он продолжал работать над «Историей», своим «Лексиконом», и, как всегда, много хлопотал о картографических съемках.

Губернаторство В. Н. Татищева в Астрахани закончилось в 1745 году так же, как и все его предыдущие служебные поручения — отстранением от должности и отдачей под суд. Он был снова обвинен в различных злоупотреблениях и, кроме того, была поднята еще разные старые дела. Ганский в цитированном выше письме так объясняет падение В. Н. Татищева: «Зависть к способностям Татищева между учеными, месть ханшей за его изверие, которое, и опасаясь, было велико... сделано то, что Татищев был отправлен в ссылку на житье в собственное имение»¹.

В декабре 1745 года В. Н. Татищев вышел из Астрахани, перезимовал в симбирской деревне сына и затем направился в свою подмосковную деревню Болдино.

Государственная служба его кончилась; однако он продолжал служить русской науке. В. Н. Татищев в Болдино много и упорно работал, несмотря на то, что был серьезно болен. Он откликался на злободневные вопросы, например, написал весьма интересный трактат «Рассуждение о речке Волге поглазной», в связи с проводившейся тогда второй ревизией. В этой работе есть ряд важных замечаний и практических предложений; она представляет собой серьезное экономическое сочинение того времени. Он хлопочет об организации волевыми типографий для распространения науки «к великой пользе государства и к пресечению безумных суеверств и вредных рассуждений». Дает отзывы на академической вглаз и работает над сочинениями по географии России: «Введение к географическому и историческому описанию Всероссийской империи» и «Россия как как ныне зовут Руссия», систематически изучает Геродота.

Но особенно много он работает над окончательным оформлением «Истории Российской» и предпринимает ряд попыток ее издать.

¹ П. Пахаревский. Новые известия о В. Н. Татищеве. 1864 г. стр. 6.

Увидеть изданным свой главный труд было мечтой старого ученого; его мучил страх, что рукопись его погибнет после смерти. Для помощи в этом деле он обращается к тогда еще только начинавшему свой оравный взлет М. В. Ломоносову (очень немногие понимали тогда значение его деятельности для русской науки). В. Н. Татищев просит его написать для «Истории Российской» посвящение великому князю Петру Федоровичу (некто вроде предисловия).

М. В. Ломоносов исполнил желание В. Н. Татищева и при этом дал высокую оценку «предисловию о истории» (введение к работе В. Н. Татищева «История Российская»).

В ответном письме М. В. Ломоносов выразил свое уважение В. Н. Татищеву в следующих словах «...ибо кроме того, что особливо вашего превосходительства к почтению всех побужден быть должен, имел и издавна желание изыскать случай, как бы вашему превосходительству показать мою усердность, для того что об охоте вашей к российскому языку слыша довольно, к которому я труд свой по силе прилагаю; сие желание шаче моего чаяния ныне исполнилось».

Здесь будет уместным заметить, что В. Н. Татищев был прямым предшественником М. В. Ломоносова во многих областях знания, в частности в области географии.

Хлопоты по печатанию кончались ничем. 15 июля (ст. ст.) 1750 года В. Н. Татищев умер. Все последние годы он находился под следствием и у дверей его дома постоянно дежурили солдаты египетской роты. Только накануне дня смерти, согласно семейному преданию, к нему был прислан курьер с указом о том, что он полностью оправдан и награжден орденом Александра Невского. В. Н. Татищев вернул орден, сказав, что умирает.

В. Н. Татищев во многих отношениях был человеком своего времени и своего круга. Он имел не мало пороков, свойственных тому кругу людей, к которому принадлежал. Он был убежденным сторонником крепостного права, и у него нельзя встретить таких мыслей, как у его современника И. Т. Посошкова, что «крестьянам помещика не вековые выделаны».

Но В. Н. Татищев обладал, несомненно, рядом черт, резко выделявших его среди сановников того времени. Как администратор он был чрезвычайно трудолюбив и энергич-

чек, и его руководство никак нельзя назвать «канцелярским». Он никогда не считался ни с состоянием дороги, ни с расстоянием и, несмотря на слабое здоровье, всюду бывал лично, так что жизнь его прошла почти в непрерывных разъездах. Он отличался замечательной доступностью, «здронился гордостью», как пишет в своей «Духовной» сестре, дверь его приемной была открыта для всех. Главной же замечательной чертой, высоко ставящей его не только над чиновничеством того времени, но и над последующими поколениями чюванских, — это его стремление основывать свою административную деятельность на детальном изучении природы, населения и хозяйства северной сибирской области. Здесь он незаметно переходит от практики к научной деятельности.

У него была живая душа полевого исследователя. Во время своих разъездов он непрерывно наблюдал, описывал, зарисовывал, беседовал с людьми разных национальностей и положений, собирал коллекции ботанические, минералогические и т. п. Эта была его глубокая потребность. Вот один из примеров: в период 1727—1733 годов он живет в Москве; в 1732 году на несколько дней ему удается вырваться в деревню. Что же он там делает? Организуется, организует деревенских ребятшек на поиски разных «достопримечательностей» в природе, «иначе бы я в Дмитриевской моей деревне, и по известной нам речке Рохталю, послал ребят малых, собрал камешки фигурных не малое число, между которыми суть весьма удивления достойныя, а именно: раковина большая с ребрами, каконныя здесь нигде не видава; корку ямочкис, на котором со стороны лист дерева со всеми шипками изображен круглых колесцами со склянными разными великостей более 100; губы березовые, овамнелые, довольно фигуру сохранившия, и другие тому подобныя, которые, ежели потребно, могу прислать при случае во Академию»¹.

Это стремление — не только самому изучать, но и организовывать исследования через других, весьма характерно для В. Н. Татищева, и он широко использовал свои организаторские таланты в этом направлении; он, между прочим, стремился всесторонне материально поощрять тех лиц, которые могли принести пользу в этом отношении. Стремление его

¹ Материалы для истории Академии наук, т. II, стр. 133, 1886 г.

к познанию России, осознание необходимости этого для успехов Родины были столь велики, что он не жалея часто и своих собственных средств.

Интересный случай произошел с геодезистом Высшим Шиниковым, которого В. Н. Татищев послал в Томск и Красноярск «для описи тамошних мест и положений на карту, а таме чтоб старался о древностях находящихся и подвзможностях обстоятельно уведомить, описать и, где можно, наименовать»¹.

В. Шиников выполнял задание хорошо — «ревностно описывал и курьезным местам учинил чертешки». В. Н. Татищев просил Академию наук награждать его² и пока что выдал ему 50 рублей из своих средств. Академия (президент Корф) отвечала: «онимы деньги ныне пятьдесят рублей на счет принять; токмо к нему (т. е. В. Н. Татищеву) писать, что Академия на такие чрезвычайные расходы сумми не имеет». Тогда В. Н. Татищев ответил, что награждение Шиникову он принимает за свой счет, «...и если шредь так чрезвычайные курьезные вещи, кем найдены и объявляны будут, то хотя и Академия наук награждения дать не изволит, но я, не имея своих денег, буду давать и в Академию оныя сообщать»³.

Из этого видно, что В. Н. Татищев лучше понимал ценность и необходимость изучения страны, чем некоторые руководители Академии наук того времени.

В. Н. Татищев обладал качествами и кабинетного ученого. Он терпеливо сверял старинные летописи, штудировал массу книг, имел большой интерес к теоретическим построениям.

Наконец, отметим его огромную просветительскую деятельность: он всюду создавал школы и стремился владеть правильной постановку преподавания в них. Он так же, как И. К. Кирилов много внимания уделял переводам и редактированию книг, вникал, по его мнению, для поднятия образования в России. Вел обширную переписку с Академией наук, написал для нее множество отзывов и рецензий на присылаемые ему рукописи, книги, инструкции и т. п.

¹ Промемориал от г. г. Татищева в Академию наук. Материалы для истории Академии наук, т. III, стр. 508.

² Татищев очень много хлопотал о наградах и о повышении оплаты своих подчиненным, особенно геодезистам.

³ Материалы для истории Академии наук, т. III, стр. 776.

Научная и просветительная деятельность В. Н. Татищева приносила ему только неприятности и расходы. В высших кругах его ненавидели. Когда он отправлялся в первый раз на Урал, враги напутствовали его: «он много руды накопает, да и самого закопает»; В. Н. Татищев был заклеймен в те времена ужасной кличкой «афенста», т. е. атеиста. По этим причинам труды В. Н. Татищева не могли появиться в печати, и это составляло одну из главнейших трагедий его жизни. Несколько он сам презирал эти высшие придворные круги, видно из его характеристики двора Прасковьи Федоровны, который по его мнению, «от заблуждения был госпиталь на уродах, пороках, ханжеской и шалаунов [т. е. шутов]».

Таким образом, только глубокий патриотизм, сознание необходимости научных исследований для родной страны и природная любознательность заставляли В. Н. Татищева заниматься научной деятельностью.

Работы В. Н. Татищева, к сожалению, не опубликованы полностью до сих пор. Это особенно относится к его географическим работам, многие к тому же еще не размыслены и, может быть, погибали совсем.

В дальнейшем мы остановимся более подробно на его географической деятельности. Но и географическая деятельность В. Н. Татищева была столь разнообразна и обширна, что в настоящей краткой статье мы не сможем коснуться всех ее сторон. Так мы не касаемся совсем его топонимических изысканий, а из его «практической географии» даем только очерк строительства Екатеринбурга.

СТРОИТЕЛЬ ЕКАТЕРИНБУРГА

Петровская Россия боролась за удобный выход к морским просторам. Для русского народа это была борьба за свое существование в качестве великой нации.

Это была пора

Когда Россия мчалась
В боренье славь и поругань,
Мужала с гоним Петра.

Нужен был металл — железо, медь. Рудные богатства Урала привлекали все большее и большее внимание.

В XVII веке пытались организовать на Урале металлургическое производство местными силами. Дело шло медленно и туго. Петр бросил туда экономические, производ-

ствительные и культурно-технические ресурсы центра, направив на Урал целый поток мастеровых, рабочих, оборудования (молотков, подпалников, допат, ломы, козетки и т. п.), первые времена на Урал направлялось даже железо¹. Петр послал туда самых выдающихся организаторов металлургического производства — в начале века — Демидова, а в начале 20-х годов — В. Н. Татищеву и Гейнра. Строительству металлургических заводов на Урале было придано общегосударственное значение и исключительное по тому времени тщание и размах.

В первые же годы XVIII века там строится казенной четире крупных завода — Невьянский, Камский, Алапаевский и Уфусский. Невьянский завод вскоре отдается Демидову.

К началу 20-х годов XVIII века Демидовым и казенной сооружается еще до десятка заводов; образуется уже целый горнорудный район. Нужно было строить заводы и дальше.

Урал был тогда единственным районом, где знали о месторождениях меди (не считая незначительных месторождений Зоснежля), а медь была крайне нужна для чеканки введенной Петром медной монеты; ее ввозили из-за границы. Наиболее дальновидные люди видели возможность вывозить с Урала железо за границу, и тем самым Шасцню, разбитую в войне, побить еще раз уже на попрису экономическом.

Между тем организационная сторона — управление заводами — находилась не на должной высоте. Заводы подчинялись до 1708 года сибирским воеводам, а после губернской реформы — сибирским губернаторам.

Губернаторы не уделяли заводскому делу необходимого внимания, а главное — мало в нем понимали.

Отсюда возникает мысль создать специальное горное управление сибирскими заводами (Урал относился тогда к Сибири).

В марте 1720 года по именному Указу Петра I Берг-коллежия назначила В. Н. Татищеву первым начальником этого управления.

В. Н. Татищеву поручалось «в Сибирской губернии на Кунгуре и прочих местах, где обыщется удобные разныя

¹ В. Кафенгауз. Строительство первых уральских заводов. Журн. «Вопросы истории», № 3—6, 1945 г.

места, построить заводы и из руд серебро и медь плавить, и дав того туда ехать с бергмейстером Вилером, да с ним бергштрэйбёру Ивану Петрушкову, да с олоуца штейгеру Гаврииле Шейнфельду и с ним двум человекам русским ученикам».

Назначение В. Н. Татищева на такую ответственную должность не могло быть случайным. Повидимому, он, занимаясь географией, хорошо изучил Урал и понял его роль в будущем значении в хозяйственной жизни России, выступил с определенными соображениями и проектами относительно организации горного дела на Урале.

Теоретическое знакомство В. Н. Татищева с Уралом видно также из того, что, буквально с первых дней появления своего на Урале, он стал действовать по определенной, строго продуманной программе и ориентировался в уральской обстановке с изумительной быстротой.

В широких планах В. Н. Татищева по поднятию производительности и общей культуры Урала центральной мыслью была постройка города, где бы сосредоточивалось управление всеми заводами Урала, находилась большой показательный металлургический завод, который своим техническим оснащением и постановкой дела мог служить образцом для других заводов, и где можно было бы организовать школы, подготавливающие квалифицированные кадры уральских заводов.

Это был замысел, характерный для петровского времени. Государство считало необходимым проявлять инициативу и создавать известную направленность в хозяйственной жизни отдельных районов.

4 апреля 1720 года В. Н. Татищев прибыл из Петербурга в Москву, где задержался из-за различных дел до конца мая. От Москвы до Казани В. Н. Татищев ездил волом, а далее сухим путем и 30 июля прибыл в Кунгур; в сентябре он поехал из Кунгура в Соликамск, знакомясь с западным склоном Урала. Вернувшись затем обратно в Кунгур, он 25 декабря 1720 года отправился осматривать заводы восточного склона Урала и ночью с 29 на 30 декабря прибыл на Уктусский казенный завод, который он предполагал сделать местопребыванием Управления уральскими заводами и Горной канцелярии (позднее с осени 1721 г. названной Сибирским горным начальством)¹.

¹ Н. Чубов. Сб. статей, касающихся Пермской губ., вып. 1, 1852, стр. 32.

Однако В. Н. Татищев сразу не заметил, что местоположение Угтусского завода не дает ему возможности осуществить очерченный выше замысел постройки большого города, который бы являлся центром административного, технического и культурного руководства таким выходящимся, по мнению В. Н. Татищева, районом, как Урал.

На Угтусском заводе выплаивалась чугуны, выплаивались пушки и артиллерийские снаряды, плавилась медь. Но построена была завод на маловодной реке Угтусе, притоке Исети, и из-за недостатка воды значительную часть года производство находилось в бездействии. Исетская же равнина, где был расположен Угтусский завод, представляла В. Н. Татищеву весьма подходящую для размещения цеха. При помощи рабочих Угтусского завода В. Н. Татищев выбрал место недалеко от этого завода, на р. Исети.

На этой лесостепной Исетской равнине были уже тогда найдены значительные рудные богатства, леса были еще почти не тронуты, плодородные почвы обещали дешевый хлеб, а следовательно, дешевых рабочих, все вместе — дешевый металл.

Для горного центра важно было также, чтобы место было удобно связано с заводами, а также с центром Европейской России и Сибирью. И здесь В. Н. Татищев проявил свою замечательную прозорливость, свое понимание перспектив развития Урала. Несмотря на то, что Исетская равнина находилась тогда на южной окраине обжитой русской зоны, он, предвидя будущее, смело писал в Берг-коллегию: «адшеинее место стало по средине всех заводов и места удобные». В. Н. Татищев понял, что Верхотурский тракт, который был единственной дозволенной дорогой из России в Сибирь, уже отпал свой век в связи с заселением южных частей Сибири и перенесением главного порта государства из Архангельска в Петербург¹. В. Н. Татищев предвидел, что главная дорога в Сибирь должна пройти через центральную седловину Урала по линии Сыма — Исеть, так как она короче и удобнее соединит Сибирь с центром.

В те времена основными путями для передвижения грузов были реки. И с этой стороны Исетская равнина была довольно подходящей. Чуговая — единственная река, да-

¹ До 1754 года в России (как и в других странах при феодализме) существовала внутренняя таможня, где с грузов собирались пошлины. Такая таможня шла всю Сибирь существовала в Верхотурье, и никто не имел права обложить этот пункт.

вавшая водный выход на запад, прорезая Уральский хребет, подходила своими верховьями довольно близко к верховьям Исетиного бассейна. Сама же Исеть, относясь к Обскому бассейну, могла служить водным путем в Сибирь¹.

В Берг-полдегню В. Н. Татищев послал в феврале донесение, в котором сообщал о своем замечательном проекте строительства. Он просил разрешения построить на Исети новый завод с четырьмя доменными печами и сорока кирпичными молотами. Здесь же он предлагал построить стальную, проволочную, лопатную, железную «фабрику» и «для распространения в народе» завести ремесла: токарное, каменное, черепичное и «приготовленные часы».

Он просит также «прислать несколько кузнецов и мастеров, слесарей, точильщиков, воловоальщиков, жестяного и стального мастера, строителей мельниц с Олонецких заводов... Дозволить принимать на новый завод мастеровых и рабочих из вольных всякого чина людей... Допустить селиться шведские пашинники».

Страстью увлеченный этой идеей, В. Н. Татищев немедленно приступает к делу. Расчищается лес на выбранном месте на берегу Исети, в деревне Тобольского и Верхотурского уездов рассматриваются народные, завербованные рабочие изготавливают бревна, тес, строят избы и т. п.; ведутся приготовления к постройке плотины.

План его расширяется: побыв в начале января в Ирбите, на знакомой уже тогда ярмарке, В. Н. Татищев находит, что она совершенно не на месте; к тому же там нет подходящих помещений для купцов и покупателей; В. Н. Татищев считает, что ярмарка должна быть перенесена в новый город на Исети.

Местные люди указали ему, что имеются две реки Кельтмы, подходящие близко друг к другу своими верховьями, но одна падает в Вычегду, другая — в Каму.

В. Н. Татищев немедленно составляет проект соединения этих рек каналом, так как при этом его уральский центр соединится с Архангельском.

План созрел, но борьба за его осуществление только начиналась. В. Н. Татищев послал, как мы упоминали, в начале февраля в Берг-полдегню просьбу о разрешении строи-

¹ Центр Урала мог быть построен на Чирной, выходящей на берег Утинской пристани, куда спускались струны всех заводов Центрального Урала и где, следовательно, соединялись все дары с запада, но горный характер рельефа, суровые климатические условия и каменистые почвы были помехой этому.

тельства завода. В конце февраля В. Н. Татищев послал второе донесение в Берг-коллегию с подробной сметой и чертежом, где несколько изменил свой первоначальный проект (4 домы и 16 молотов вместо 40 — «для сбережения лесов»). Ответа, однако, не было. В. Н. Татищев, как мы знаем, начал уже строить завод.

В марте В. Н. Татищев уже едет в Tobольск, где хлопочет о перенесении главного пути в Сибирь на линию рек Сыма — Исеть через центральную седловину Урала, доказывая, что это кратчайший и удобнейший путь из Европейской России в Сибирь, в то время как путь через Верхотурье составляет большинство просивших сделать большой ярмо, также он хлопочет о перенесении Ирбитской ярмарки.

В Tobольске начальство уклонилось от определенного ответа. Оно поручило В. Н. Татищеву рассмотреть «возможно ли оные проходы утвердить и о том довести». Он понял это как предложение составить конкретный проект по устройству новой дороги. После личного осмотра он представил сибирскому губернатору свои предложения, где нужно поставить заставы, чтобы не могло быть беспощадного прохода купцам, где построить мосты через речки, расчистить лес и т. п.

Только в мае 1721 года на донесение В. Н. Татищева о строительстве завода и города на р. Исети приходит ответ Берг-коллегии, в котором говорится, что надо стараться размножить заводы серебряные, медные, железные, «которые в России нет», а нового железного завода не строить, так как «железных везти довольно». Так решили чиновники в Петербурге, не видя грандиозных возможностей вывоза железа за границу, хотя вывоз начался уже со следующего 1722 года.

Замысел В. Н. Татищева был подорван в самой основе. Он оставил строительство, заготовленные бревна и тес велел сложить в сухих местах.

Но В. Н. Татищев был не из тех людей, которые быстро сдавались. Он продолжал доказывать необходимость строительства города на Исети, и в Берг-коллегии начали колебаться под влиянием его доводов. Было разрешено некоторые домы и молоты перенести с Уктусского завода на Исеть. Окончательное решение должен был принять советник Берг-коллегии Микелас, которого решили командировать на Урал управлять заводами совместно с В. Н. Татищевым.

Но к этому времени отношения с Демидовым достигли крайнего напряжения, и В. Н. Татищев, едва дождавшись приезда Михалюка, отравился, как мы знаем, для объяснений в столицу.

Встретив Михалюка в Кунгуре, В. Н. Татищев передал ему две записки, в которых обосновывал свои планы развития хозяйственной жизни Урала. В них он указывает места, где нужно строить заводы, что выгоднее строить небольшие заводы вблизи друг друга, как крупные, развешая их редко, отмечает необходимость переноса галвной дороги из России в Сибирь, проектирует строительство бумажной фабрики, стекольного завода, фабрик кожевых, проволочных и часового мастерства для башенных и стовпных часов и т. д.

Но Михалюк не хотел следовать по стопам В. Н. Татищева. Это был бестолковый немец, ни слова не говоривший по-русски. Он забраловал место, выбранное В. Н. Татищевым для постройки нового города-завода и написал, что строить платину на Истте опасно: «При высокой воде Истеть река разобьет». Вместо этого Михалюк стал строить небольшой железный завод выше Уктусского завода, на той же маловодной речке. Но прежде, чем завод этот пущен был в действие, весной 1723 года платину Михалюка размывало и снесло.

Между тем на Урале был направлен Генин, крупнейший специалист в области горного дела, а с ним возвращался и В. Н. Татищев в качестве подследственного. В пути В. Н. Татищев познакомил Генина со своими планами в отношении Урала и особенно относительно любимого проекта построения города на Истте, и так убедил его в правильности своих идей, что Генин, став начальником Уральских заводов, целиком следовал планам В. Н. Татищева. В отношении же строительства на Истте Генин, мало считавшийся с Берг-коллегией благодаря особому покровительству Петра I, еще из Кунгура, не доехав до места, отдал распоряжение заведывавшему горными делами на Уктусе — Патрушеву, чтобы подготавливался лес для строительства нового железного завода «...по росписи казному оствана г. капитан Татищев».

С этого времени строительство нового города-завода пошло полным ходом, и В. Н. Татищев был фактическим руководителем его. Сначала была построена крепостной вал «для безопасности от беспокойного народа» и квартиры для

создат Тобольского полка, которые использовались также в качестве рабочей силы, наряду с крестьянами окружающих селений. Из Тобольска были присланы плотники и каменщики. К зиме 1723 года были закончены постройки плотины, домики, железоделательной, медноплавильной и медноочистительной фабрик, многих домов и нескольких лавок. В этом же году Генка дал имя городу в честь жены Петра I — Екатеринбург. В. Н. Татищев, не терпевший из патристических побуждений иностранных названий, в своей переписке называл его всегда Екатеринбург. В город были перенесены из Устюга главные Управленческие заводы и школы, организованные В. Н. Татищевым.

Таким образом, мечта В. Н. Татищева о построении города осуществлялась при его жизни. Хуже обстояло дело с утверждением проекта нового, более короткого пути в Сибирь, благодаря которому, по мнению В. Н. Татищева, должны были «пошлина и торг умножиться».

Ответ на ходатайство В. Н. Татищева был таков: «Прочие дороги, кроме Верхотурья, которые проложены вновь в Сибири неуказанными местами, хотя может быть оные дороги в проезде и способнее, но одноким по указу великого государя, по прежней грамоте, присланной из Сибирского приказа прошлого 704 года запретить и теми дорогами с товарами и без товаров никому не ездить и не пропускать».

Оскадило, в Петербурге считали, что в условиях равнинной местности центральной седловины Урала купцам легче объезжать заставы, и от этого будет теряться пошлина.

Из-за этих фискальных интересов правительство тормозило развитие торговых связей, нанося ущерб развитию производительных сил страны. Таковы были понятия правящих сфер того времени, обусловленные корыстными интересами определенной группы господствовавшего класса.

Но все же В. Н. Татищев пробил первую брешь и в этом деле — было разрешено пропускать по новой дороге казанских, уфимских и кунгурских купцов на Ирбитскую ярмарку. Впоследствии после возвращения из Швеции, упорный В. Н. Татищев снова хлопотал о разрешении свободного проезда по новому, более короткому пути в Сибирь. В замечательной записке, представленной им Екатерине I, видно, в 1727 году, говорится, что огромные богатства Сибири «остаются пустою» главным образом потому, «что надлежащие пути в весьма худом состоянии, а впапаче де-

рога над меру положены кривы, что провоз один пуду привозных морем таких же вещей превосходит. О исправлении же сего и приведении в надлежащее состояние трудится ли кто, о том мне неизвестно»¹. И далее В. Н. Татищев, обладавший редким практическим умом, предлагает конкретный и довольно детальный план устройства новых путей из России в Сибирь и внутри Сибири.

«Возможно, — пишет В. Н. Татищев, — два пути от Москвы сделать, которые едва не половиною-ль ближе

будут (Верхотурского тракта — А. И.) первой от Москвы через Владимир, Юрьев, Вятку, Кунгур, Екатеринбург, как возможно выкинув видные обходные кривизны, то до Тобольска две тысяч верст не будет. Другая дорога в Даурии (южные Забайкалье — А. И.) для пользы купечества и сдвиги в оные места от Москвы через Казань, Уфимский уезд, через Царев Курган, Тару, Томск и не захватывая Енисейска в Даурии, которые ежели прямо сделают, можно весьма надеяться, что три тысячи верст, еще не более умалится».

В заключение В. Н. Татищев снова повторяет, что «...таким образом... ныне пусто лежат богатства на упо-

¹ Зап. Русского Географического общества, 1863 г. — «Известия, собранные В. Н. Татищевым», стр. 125 и далее.

требования придет и от купечества государство *сугубою* пользоу получить¹.

В. Н. Татищев, стремившийся всегда превратить свои планы в жизнь, непрочь был, видимо, сам взяться за это дело: некоторые наметки на это есть в записке.

Все это было оставлено без внимания юным правителями послепетровской России. Пути, намеченные В. Н. Татищевым, были официально признаны лишь через много лет после его смерти.

Правильность географических замыслов В. Н. Татищева подтверждена столетиями.

Свердловск, наследник Екатеринбург, недавно праздновал 225-летие своего существования. Это — один из крупнейших и замечательнейших городов нашей страны. Нужно признать, что первые камни этого города были заложены В. Н. Татищевым.

БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ ГЕОГРАФИИ РОССИИ

Борьба за создание географии России была борьбой за создание русской географии вообще.

В те времена не было географии в современном смысле слова с ее синтетическим характером, обобщающим жизнь страны в целом — ее природу, экономику и культуру.

Имевшиеся работы носили уже практический, чисто справочный характер. Сводных работ о всей стране не было, за исключением «Книжки Большого чертежа», составленной еще в XVI веке и содержавшей преимущественно данные о путях сообщения и имевшей характер «дорожника».

Между тем новый этап в развитии России, последовавший за петровскими реформами, настойчиво требовал более высокой культуры управления во всех областях народной жизни — административной, хозяйственной и т. д. и нельзя было уже обойтись без углубленного знания страны и особенностей ее отдельных местностей.

Вместе с ростом мирового значения русского государства и расширением его территории особая важность появилась необходимость понимать источники сил государства и более отчетливо представлять будущий путь страны.

¹ Свободный проезд через Екатеринбург стал для Сибири важным только после упразднения веротурной таможни в 1763 г., а главным государственным трактом ее был утвержден в 1783 г.

География была введена в программы преподавания в создаваемых тогда школах.

Отсюда возникла потребность в географии, в ее новой, более широкой постановке.

За эту работу взялся вначале В. Я. Брусс, один из наиболее культурных сподвижников Петра I, но из-за занятости как по другим причинам с этой задачей он не справился и в 1719 году передал дело составления географии России В. Н. Татищеву.

В. Н. Татищев, принявшийся за дело со свойственной ему энергией, сразу же убедился в отсутствии необходимых материалов. Кроме того, в поисках причин возникновения тех или иных географических явлений, он столкнулся с незнакомостью русской истории. Это послужило толчком для его занятий русской историей; географию в сущности он оставляет на четырнадцать лет. Только в 1734 году по приезде вторично за Урал В. Н. Татищев снова берется за осуществление своей основной научной мечты — создание географии России.

В инструкции, которая была дана В. Н. Татищеву Берковолжской перед отправкой за Урал, в пункте 13 он себе записал (эта инструкция была составлена в действительности самим В. Н. Татищевым): 1) дать географические карты отдельных уездов; 2) составить «обстоятельное географическое описание Сибири»¹.

В помощь В. Н. Татищеву по части географии были переданы все имеющиеся на Урале и в Сибири геодезисты.

Для выполнения географического описания Сибири перед В. Н. Татищевым прежде всего стоял вопрос о материалах. Он имел, как мы увидим на следующей главе, весьма серьезные теоретические представления о географической науке и не мог удовлетвориться теми случайными и разрозненными данными, которые собирались в различных ведомственных канцеляриях.

В первые же месяцы своего пребывания на Урале он составляет для правительственных учреждений и рассылемых в разные места геодезистов вопросник — первую в России научно-разработанную анкету по обследованию местности; этим он положила начало методике географических исследований. Правда, и до В. Н. Татищева, еще в XVII веке, посылались иногда вопросы, давались указы

¹ Полное собрание законов (зрво), № 6559.

непосредственным и существовавшим так называемым «распространенным речем», но все это делалось от случая к случаю, имело узкую цель, было лишено единообразия и системы.

В. Н. Татищев впервые соединил все это в обширнейшую программу исследования, придал ей универсальный и строго научный характер.

Татищевский вопросник открывает собой целый период анкетных обследований России Академией (знаменитая анкета М. В. Ломоносова), сематом, Вольным экономическим обществом и др.¹

Одна только эта анкета обессмертила имя В. Н. Татищева в истории русской географической науки.

Вначале В. Н. Татищевым была составлена 81 вопрос, но к концу того же года (1734) анкета разрослась до 198 вопросов²; он включил туда вопросы по истории, этнографии и лингвистике. Последние две группы вопросов он считал необходимыми для изучения национальных особенностей народов Сибири.

Назвав свою анкету «Предложение о сочинении истории и географии российской» В. Н. Татищев послал ее для рассмотрения в Академию наук, просил отмечать ее в достаточном количестве экземпляров. Однако официального утверждения своего «Предложения» он так и не мог добиться, несмотря на свои неоднократные попытки в течение нескольких последующих лет. До 1737 года эта выдающаяся работа В. Н. Татищева вообще не получала никакой оценки от Академии наук, что, повидимому, объясняется отсутствием в эти годы в составе Академии специалиста по затронутым в анжете вопросам (Миллер был в Камчатской экспедиции)³. В общем Академия не оказала В. Н. Татищеву никакой помощи в его замечательном начинании.

«Предложение» В. Н. Татищева состоит из небольшого

¹ История анкетных обследований в XVIII в. изложена в ст. Б. Д. Грекова «Опыт обследования анкет XVIII в.» (см. Автор. анкетный архивамент, комиссия за 1927/28 г., изд. 1929 г.), но в ней совсем не упоминается об анжете В. Н. Татищева, своей ранней и единственной приобретенной остальным (в частности, М. В. Ломоносова).

² Заметим, кстати что в отношении дат появления этой или иных работ В. Н. Татищева исчерпываются в литературе большие противоречия.

³ А. Н. Андросов, Труды и материалы В. Н. Татищева в Сибири. Журн. «Советская этнография», № 6.

предисловия, где он кратко излагает свое понимание истории и географии, о чем речь будет ниже, и обширного вопроса, разбитого на три раздела: первый отнесется ко всем губерниям (107 вопросов), второй лишь к тем, в которых жила народы «идеологическо-интересные», третий раздел отнесется к народностям магометавского вероисповедания, и в нем есть подраздел с вопросами, общими для всех народностей Сибири¹.

Первый раздел делится на главы: 1) О знаниях, 2) О свойствах и «действии воздуха», 3) О границах, 4) О водах, 5) О природном состоянии земли, 6) О «подземности», 7) О жителях, 8) О жванцах.

Трудно передать все богатство научного содержания, вложенное В. Н. Татищевым в его прекрасно продуманные вопросы.

В главе «О знаниях» он интересуется старыми названиями мест, полей и урочищ, прославившихся в истории «...яко Куликново поле от Мамаяна поражения», а также «...когда и каковы случаи тот предел (т. е. район, местность, — А. И.) под власть Российскую пришел».

В главе «О границах» задаются вопросы об изменении границ и о том, что представляет собою граница в природном отношении (река, горы, болота и т. д.).

Далее идут вопросы о «действии воздуха»: когда наступит зима, вскрываются реки, время наибольших дождей, бывает ли северное сияние, какие признаки «природа нам отарывает» для предсказания перемены погоды; переходя к водам, В. Н. Татищев интересуется морями, озерами, заливами, губами; их пригодностью для стоянки кораблей, режимом рек, судоходными качествами рек, колодезями, минеральными ключами и, наконец, искусственными сооружениями — каналами, причем спрашивает «...яст ли мест, способных для пользы купечества, канал или провоз, откуда и какою дорогою, канал в том удобность или невозможность видемы».

В следующей главе «О природном состоянии земли» имеются вопросы о характере рельефа, о почвах, где какие посевы, насколько удовлетворено местное население продуктами и что приходится завозить и какие сельскохозяйственные культуры лучше удаются. При этом В. Н. Татищев приводит в качестве примера несколько местностей, сла-

¹ «Предложения» вкратце в приложениях к работе Н. Попова «Татищев в его время», 1861 г.

видящая тем или другим видом сельскохозяйственных культур, что представляет интерес для изучения географии России того времени. Так, например, он указывает, что в Коломне — лучшая розь, в Муроме — пшеница, в Юрьеве — ячмень, Пскове — лен крупный, Суздали — лен мягкий, Стародубе — пенька, Владимире — хмель, Ростове — лук, Борисове — чеснок, Дмитрове — огурцы, Муроме — свек, огуречные и другие семена, Астрахани — арбузы и т. д. Даже идут вопросы о садах, о лесах и травяной растительности, животном мире, домашнем животноводстве, рыбах и т. д.

В вопросах «О подмемностях» речь идет главным образом о полезных ископаемых. Большой интерес представляет подробное перечисление известных тогда металлов и минералов. Сюда он включает и вопрос об «окаменелых вещах», раковинах, отпечатках в камне и т. п., которые он просит собирать, а если слишком велики, то зарисовывать и в Академию присылать.

В отношении населения («О жителях») В. Н. Татищев интересуется составом племени, сословием, делением по роду занятий, особенностями управления, спрашивает, какие распространены ремесла и славится ли данная местность производимыми товарами. Появляя последние примерами, он опять сообщает интересные данные: в Москве — вино, в Ярославле — кожа, в Новгороде — уксус, в Вологде — свечи, вино и «коробы», в Угличе — толокно, в Каауге — тесто «соложенное», в Казани — козьи кожи, в Нижнем — медная посуда, в Устюге — финифтяная работа¹, в «Колмогоргах» — оковина сундуков и востяное, в «Переславле» — сельди копченые, в Вятке — каповая посуда, т. е. из палычов на дереве, и т. д.

В конце дано несколько вопросов, относящихся к народному здравью.

Большое количество вопросов посвящено изучению городов и селений («О жилищах»), и о времени основания пункта, топографические данные о нем, о промышленности и торговле, об исторических событиях в данном пункте и т. д.

Разделам 2-й и 3-й посвящены главным образом вопросам быта сибирских народностей. Особое внимание обращено на присутствие этим народам обычаев, обрядов, религиозные верования, приметы, заговоры, суеверия. При этом

¹ Финифть — древнерусское название стекла — непрозрачный сплав стекловидной массы с примесями солей металлов и окисей.

В. Н. Татищев делает такое методическое указание: все вопросы выяснять без принуждения, «но паче ласкою» и через соседних людей, «знающих славу сих вопросов». Спрашивать он советует нескольких людей, так как это поможет выяснить истину. В. Н. Татищев обещает «надлежащее награждение» для тех, кто будет прилежно трудиться над выяснением вопросов предлагаемой им анкеты.

Из этого краткого перечня вопросов видно, что В. Н. Татищев стремился широко и всесторонне охватить жизнь местности. Он включает вопросы о значении тех или иных природных объектов для хозяйственной деятельности населения, зачастую стремится выяснить возможности передела природы на пользу человека.

В этой программе можно отметить не мало существенных пропусков, такие не безупречна и сама система; В. Н. Татищев, например, часто соединяет в одном разделе сведения чисто фимино-географические и экономические. Но для своего времени это была блестящая программа обследования, стремившаяся как можно полнее охватить жизнь России.

Не дожидаясь ответа от Академии, В. Н. Татищев, привыкший действовать на свой страх и риск, разослал разработанную им анкету по губернским и провинциальным канцеляриям Сибири и Казанской губернии; и, начиная с 1735 года, благодаря настойчивости В. Н. Татищева, многократно посылавшего напоминания, стали поступать ответы, хотя все же меньшие, чем хотелось ему. Ответы были мало удовлетворительны.

Вопросы В. Н. Татищева иногда впервые заставляли канцелярских чиновников задуматься над географическим значением. Связанные с анкетой В. Н. Татищева исследования несомненно пробуждали интерес к географии среди сравнительно широких слоев местного населения. Анкета вручена была также геодезистам, которые одновременно со съемкой местности собирали по ней сведения.

К 1736 году у В. Н. Татищева накопился все же значительный материал анкетных обследований, полученный главным образом из Западной Сибири. Можно было уже приступить к географическому описанию Сибири. Кроме сведений, собранных по анкетам, материалом для работы послужила и некоторые печатные и рукописные источники.

Составленный В. Н. Татищевым в 1736 году «Порядок общего географического описания всей Сибири» не опубликован до сих пор.

Известны два списка этого сочинения — один в Ленинграде¹, другой в Москве².

Московский список (более полный) содержит подробнейший план всей работы и девять первых глав из предлагавшихся 19 глав (1-й части). Написано было, повидимому, больше, чем сохранилось (нам пока найдено), но несомненно, что В. Н. Татищеву не удалось закончить эту работу.

Программа «Описания всей Сибири» и сохранившаяся часть сочинения позволяют, однако, утверждать, что мы имеем дело с замечательным географическим произведением.

План работы обширен и разработан с редкой детальностью. Из него видно, что В. Н. Татищев задумал написать весьма обстоятельный труд по географии Сибири в двух частях. Первая часть должна была дать общее описание Сибири, вторая — описание каждой провинции в отдельности.

Программа общей части такова: 1) о имени (обзор развития географических представлений о Сибири и происхождение названия страны); 2) о границах; 3) о величине; 4) о воздухе; 5) о водах; 6) о положении Земли; 7) «о внутренних Землях»; 8) «о содах»; 9) «о рудях металлов»; 10) о полусталах; 11) «о речевых» (растениях); 12) о животных; 13) о жителях или народах (здесь предполагалось описать каждую народность отдельно по особой программе); 14) о власти политической; 15) о правлении церковном; 16) о народных промыслах, о рукоделии собственных, о фабриках; 17) о заводах: серебряных, медных, железных; 18) о фабриках «металлических» (проволочных, жестяных, кровельного железа и т. п.); 19) о ружье.

Описание каждой провинции должно было состояться примерно по такой же программе, но особым пунктом добавлялась глава о городах³.

¹ Институт истории Академии наук СССР, по списку рукописей, поступивших из библиотеки Академии наук СССР, № 344 из 15 листов.

² Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. правительствующего сената по ведомству, дело № 83/1167 из лл. 136, 168.

³ Более подробный план неопубликованной работы В. Н. Татищева будет дан в предполагающемся названии географического сочинения В. Н. Татищева, в связи с изданием в 1950 г. 200-летия со дня его смерти.

Описание Сибири было первым этапом для осуществления главной цели — составления географии России. В. Н. Татищев посылает свою работу в Академию, одновременно снова просит внести поправки, утвердить и размножить его «Предложение» (анкету), чтобы разослать его по всей России от имени Академии наук.

На этот раз Академия проявила некоторую «активность».

Она одобрила географию Сибири, поручила В. Н. Татищеву по этому образцу описать всю Россию и отдала «Предложение» на просмотр некоторым членам академии.

Однако обсуждение анкеты в Академии, поведящему, так и не состоялось.

В 1737 г. В. Н. Татищев был переведен в Оренбургскую экспедицию на место умершего И. К. Кириллова. Новые заботы затормозили написание географии России. Его внимание в этот период устремилось на картографические работы.

Особым указом было подтверждено, что ему передаются все дела по составлению «стандарт всей Российской империи»; таким образом, В. Н. Татищев заменил И. К. Кириллова и в руководстве всем картографическим делом России (до этого он руководил картографическими съемками, но в более узком масштабе). Он нашел необходимым прежде всего поднять качество картографических работ. Первым его шагом в этом направлении было требование, переданное через сенат в Академию наук, составить обстоятельную хорошую инструкцию для геодезистов. Затем он обращается непосредственно к Академии с требованием прислать инструментов и т. д. Зная неумелость Академии, В. Н. Татищев составляет сам инструкцию, хотя и не считает себя в этой области достаточно подготовленным. Эта инструкция, однако, сыграла заметную роль в поднятии картографического дела в России.

Инструкция Академии наук была все же составлена в 1738 г. Делалем. В то время в правительственных кругах мало придавали значения точности картографических съемок. Только В. Н. Татищев относился к этому делу серьезно, но, видя неосуществимость в тогдашней России предложенный Делалем, он разработал свой план, который и изложил в отзыве об инструкции в 1739 г.¹

¹ В. Ф. Гурьева. Географы старшины Акад. наук (см. приложение, стр. 134).

Предложения В. Н. Татищева были оставлены без внимания, но вызванное им обсуждение вопроса картографии повлекло в дальнейшем на улучшение картографического дела в России.

Кстати отметим, что в этом отзыве на инструкцию Делавая В. Н. Татищев снова, через 5 лет после составления своей анкеты, просит, чтобы ее «... помилала рассмотреть, исправить, дополнить или в чем уменьша, напечатав, також по городам разослать с повелением, чтобы по тому сочинен известия, немедленно присылали куда правительствующий сенат заблагорассудит, дабы каждой провинция описание крупно с ландкартою издать было можно».

В последней фразе, как и в других местах отзыва, интересен взгляд В. Н. Татищева на связь географического описания с картой, на чем мы остановимся в дальнейшем особо.

Последние работы В. Н. Татищева по географии писались в Астрахани и в имении Болдино. Они не имеют законченного характера (по крайней мере то, что до нас дошло), но представляют все же значительный интерес.

В. Н. Татищев давно задумал написать «Лексикон» (словарь) энциклопедического типа. Форма словаря привлекла его, очевидно, в силу желания систематизировать скопившиеся у него огромные материалы по разным областям знания, которые трудно было еще обработать монографическим порядком.

Он успел написать слова до буквы К, хотя еще раньше, особенно с буквы Е, начинают попадаться слова, объяснения которых не закончены. Эта часть «Лексикона» издана в 1793 году и включает около 1 500 слов. Но словарь (список слов) был составлен для «Лексикона» полностью, что доказывается сохранившейся рукописью «Землеи городов, урочищ, рек, озер, чиков, феманей, денег и обстоятельства, в России употребляемых, собраны для обстоятельного описания в статском и историческом лексиконах, что куда принадлежит». В этой рукописи заключается более 2 000 слов от Казани до Яузы с самыми краткими заметками при них или вовсе без заметок.

Полное название словаря следующее: «Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской». Из заглавия видно, что он посвящен не только географии, но географический материал занимает в нем видное место. Это преимущественно описание губерний, провинций, городов, волостей, рек, озер, урочищ.

Экономико-географические объекты обычно характеризуются краткими топографическими данными, перечислением крупнейших исторических событий и указанием на главные отрасли хозяйства. Изредка приводятся и цифровые данные.

Объекты физико-географические обычно сопровождаются небольшой хозяйственной оценкой. Нужно заметить, что статьи в «Алексиконе» не равноценны, есть довольно обстоятельные, некоторые же из них носят характер беглых заметок. В целом же «Алексикон» содержит, несомненно, ценнейший материал для характеристики географии середины XVIII века и для изучения истории народного хозяйства России.

Приведем несколько примеров:

Вот характеристика города Вязьмы: «Город Смоленской губернии, провинциальный, на реке Вязьме, которая выше города впадает в Двину, слева, ниже города Вязьмы в Двину, от Дорогобуна 70, от Можайска 110 верст. Прежде было удельное княжество Смоленская, которое ливонскими князьями выгнаны, дались в России не безызвестны. В сем городе купечество достаточное, довольно пеньки и жит в Санкт-Петербург отпускают, которому Казанская приставь к провозу водою способствует. В нем делаются славные коврыжки и далеко разносятся, уезд пространной, граничит с Дорогобужским, Бельским, Зубовским, Волоцким и Можайским, и хотя многоводен и лесист, однако, жит и пеньки родятся довольно».

Вятская провинция — «... в Казанской губернии по реке Вятке и впадающим во оную, народ древней Вотяки, и сами свою землю Арима, т. е. крайняя земля именуют, оную великий князь Василий V овладеа, во в совершенное подданство царем Иоанном I по вкатию Казаки приведена. В ней города главный Хамнов¹, потом Слободской, Шестаков, Орасов, Котельнич и Кайгород, граничит на север с уездом Соли Вьенгодской, на Восток Пермь, на Юг, Казанской уезд, на Запад Галицкой провинции. Сия провинция хотя многими лесами и болотами наполнена, однакож житя от избытка не малое число и городу Архангельскому, и везд до Астрахани отпускают, к тому медов и зверя довольно, из руководней сего провинции звано есть наповая посуда, которой не мало делается и довольно ценною и суще весом

¹ Хамновыми назывался город Вятку (Киров).

гораздо дороже серебра продается, к тому множество про-
стых, и едва не перед всеми лучшими суков разломать».

Мы видим, что очерки богаты содержанием; они состав-
лены деловито и точно. Важно отметить стремление к обоб-
щающей характеристике, хотя моментов объяснения и ра-
скрытия причинной связи явлений в них явно не
достает.

Нужно заметить, что это писалось в то время, когда в
сочинениях по географии попадались всевозможные
курьезы. Так, в вышедшем в 1742 году кратком руковод-
стве по географии разделение Европы начиналось так же,
как и в географии Гибнера, намечатанной в XVI веке «как
разделяется Европа? на подобие сидящей девицы, у кото-
рой: 1. фонтанж есть Португалия, 2. лицо Гибшания,
3. грудь Франция, 4. левая рука Англия, Шотландия и
Ирландия, 5. правая Италия, 6. под левую рукою лежат
Нидерланды, 7. под правую Швейцария, 8. до тела надле-
жит Германия, Польша и Венгрия, 9. колена называют
Дакля, Норветия и Швеция, 10. коны Россия, 11. задняя
сторона Турецкия провинция и Европа и Греция».

Физико-географическим объектам посвящено в «Лекси-
коне» много внимания. Одна из самых больших статей
относится к Каспийскому морю, которое В. Н. Татищев,
видимо, основательно изучал. В статье он пишет о представ-
лении об этом озере географов древнего мира, дает харак-
теристику его впадины, заливов, впадающих рек, указы-
вает на течения и колебания его уровня. В заключение пи-
шет о необходимости продолжать исследования.

Приведем описание Вишеры: «Река в великой Пермь
не мала, течет из гор Южсья и впадает в Каму, с левой сто-
роны выше соли Камской 18 верст, близ ее на реке Колва,
город Чердынъ, а выше оного по Вишере, 2 горы знатные:
1-я Говорашная, которая противу оной на другом берегу
стоящему пренарядное это, имя отъмя делает. 2-я Песана,
о которых смотри под именами. Ся река течет весьма бы-
стро, некоторые реки впадающие в нее, особливо река не
мала Колва, впадшая с лева, вершинами весьма близко
реки Пеморы, куда без великого труда лодки лопая рыб-
ной, садящие перетаскивают».

Большой интерес представляют помещенные в «Лекси-
коне» характеристики народностей России и некоторых
соседних государств, например башкир, татаринцев,¹ эми-
гурцев и некоторых других. Наконец, весьма любопытны

объяснения географической терминологии, как, например: доа, долгота, губа, званя, гавань и т. п.

Существенный интерес исторический и теоретический представляет раскрытие В. Н. Татищевым таких понятий, как город, завод и т. д.

Ценность для географа «Лексикона» В. Н. Татищева заключается, таким образом, не только в том, что он богат фактическим материалом, но и в том, что даже в незаконченном виде он дает отчетливое представление о географическом кругозоре и географических понятиях того времени; в этом отношении важна даже сама его номенклатура — набор понятий и терминов.

«Лексикон» был первой попыткой создания энциклопедического словаря в России, попыткой смелой, которая была по плечу только многостороннему и выдающемуся дарования В. Н. Татищева¹. Географическая часть «Лексикона» послужила прообразом словаря Полунина, затем эта работа была продолжена Максимовичем, Щекатовым, Сивковым (Тян-Шанским)².

Но В. Н. Татищев не удовлетворил форма «Лексикона», он стремился к монографическому, связному, всестороннему описанию России и оставил нам два незаконченных сочинения, являющихся попыткой осуществления второй задачи.

Першее имеет такое заглавие: «Введение к историческому и географическому описанию великороссийской Империи, часть первая: как древнее, так и нынешнее состояние того, великого государства и обитающих в нем народов и другая к ведомости принадлежащая обстоятельства по возможности и на первой к сочинению исправнейшей и обстоятельнейшей истории вновь собрана и кратко описана». В первой главе говорится о имени сего великого государства и о древнем его разделении; во второй о границах Всероссийской Империи по ее нынешнему состоянию; в третьей о великости Империи; в четвертой о водах; в пятой о знатнейших горах; в шестой о внутренностях земли; в седьмой о растении и плодах земли; в восьмой о животных; в

¹ Изначально тогда «Алфавитника», выполненные больше мысленно, чем фактом, и не могут идти на а класс сравнения с «Лексиконом» В. Н. Татищева.

² Хотя географический словарь Полунина был выдан в 1773 г. а «Лексикон» В. Н. Татищева в 1728 г., однако именно указание, что Полунина пользовался рукописью и материалами В. Н. Татищева.

девятой о жителях Империи; в десятой о силе воинской; в одиннадцатой о доходах государственных; в двенадцатой о заводах, фабриках и мануфактурах; в тринадцатой об академиях и училищах; в четырнадцатой о правлении духовном и политическом, о разделении сферциальном и губернском.

Все эти разделы изложены кратко по Европейской части и несколько подробнее по Сибири¹. Рукопись эта не опубликована.

Мы не имеем возможности более подробно анализировать эту работу, обратим только внимание на то, что в заглавии указывается «как древние, так и нынешние состояния». Это стремление В. Н. Татищева рассматривать географические отношения, не только «нынешние», но и прошедшие, чрезвычайно важно в теоретическом отношении. Что это не случайная обмолвка, мы повидим на примере второго сочинения; вернее, наброска географии России, имеющего название «Россия, или как ныне зовут Руссия». Работа эта опубликована в журнале Министерства внутренних дел в 1839 г.²

На этот набросок до сих пор не обратил должного внимания, между тем он имеет существенный интерес.

В нем имеется конкретная попытка дать географические описания ряда исторических этапов. В небольшом введении говорится, что география России, «по ее многим на древности переменам, пространству земель и множеству различных прежде живших и ныне выходящихся народов и вер», должна делиться на пять периодов:

- 1) до 862 года — пришествие Рюрика,
- 2) период от начала монархии Рюрика до нашествия татарского (862—1238 г.),
- 3) татарское время до 1475 года, когда Иван III «...татарскую власть опроверг и монархию утвердил»,
- 4) до 1613 г. — избрания первого Романова,
- 5) современный период, следовательно, до 40-х годов XVIII века.

Дальше идет крайне конспективное изложение, вернее развернутая программа предполагаемого содержания отдельно по Европейской России и Сибири.

¹ Изложено по Н. Пелову «Татищев и его время», стр. 443.

² Журнал Министерства внутренних дел, 1919 г., № 4, ч. 32, стр. 319—406. Есть предположение, что места слов «Россия» и «Руссия» переутрачены переписчиком.

По Европейской России сначала дается историческая география по следующей программе: 1) древние ины, где выносятся историко-филологические изыскания о названиях восточно-европейской равнины у разных старинных авторов, объяснение этих названий и пр.; 2) пространство, где говорится об изменчивых границ государства; 3) разделение древней Руси. Отдельно характеризуется Великая Русь, Малая Русь, Белая Русь, Червоная Русь, Черная Русь, болгары — указываются жившие народы и города.

Второй раздел «Настоящая Россия» имеет следующее содержание: 1) ины; 2) воды — перечисление морей, омывающих Россию, озер, рек; 3) границы русской империи в Европе. Здесь В. Н. Татищев из разнородных мнений о границе между Европой и Азией избирает то, которое принято и сейчас, т. е. по Уралу и реке Урал; 4) разделение гражданское — дается краткое обоснование и районирование Европейской России весьма дробное. Затем идут главы: 5) озера; 6) о крепостях; 7) о подземных богатствах; 8) о фабриках; 9) о доволстве от животных; 10) о житах и овцах; 11) горы знатные; 12) степи или полупустыни.

Описание Сибири имеет такое деление: 1) ины, 2) граница, 3) народности, 4) настоящее разделение Сибири, 5) острова великие и моря, 6) воды, 7) горы, 8) степи, 9) о подземных сокровищах, 10) фабрики металлы лучшие, 11) жита (т. е. посевы. — А. И.), 12) скот, 13) рыбы.

В структуре описания Европейской России обращает внимание некоторая несообразность: природные элементы разорваны — «воды» в начале, а «горы» и «степи» в конце. Это, вероятно, носит случайный характер, так как в описании Сибири воды, горы и степи следуют по порядку. Любопытно, что пропущена лесная область. Это, вероятно, не случайно. Углубленных научных наблюдений тогда не было, и автор не мог сообщить читателю чего-нибудь такого, чего последний сам не знал из личного опыта. Поэтому, очевидно, В. Н. Татищев включил лишь районы, резко отличающиеся по природным условиям от средней России — горы и степь. Тундра же почему-то вообще опущена.

Мы уже говорили о стремлении В. Н. Татищева дать географию не в статике, а в историческом разрезе, в потоке времени. Мы остановимся на этом еще в следующей главе.

Очень серьезного изучения заслуживают 4-е разделы в Европейской России и Сибири «О разделении граждан-

дом». В них В. Н. Татищев даёт свой проект районирования. Эти разделы не содержат развернутого обоснования, а представляют собой перечисление губерний, провинций и городов. С административным делением тогдашнего времени разделение В. Н. Татищева не сходится. О цели его В. Н. Татищев указывает только, что оно произведено «для лучшего знания и памяти древней истории и титула императорского». Это как будто нужно пожать так, что цели районирования познавательные. Но можно уверенно сказать, что В. Н. Татищев скрыл свои намерения, и представленное им перечисление губерний и провинций представляет составленный им проект административного деления России. Это видно из записки В. Н. Татищева, посланной академику Меллеру¹. Она посвящена критике существовавшего тогда административного деления. Из нее мы узнаем, во-первых, что В. Н. Татищев, повидимому, имел уже неприятия из-за этой критики: «...я хотя представляю (об изменении административного деления. — А. И.) начерно нарисовал, но представлять опасася, чтоб кто по неведению свое мое доброе намерение в зло или предерзость истолковать не имел причини»; во-вторых, в этой записке, где определенно говорится об административном делении, выдвигается тот же основной принцип, что и в «России», а именно: необходимость отразить области, бывшие княжеские владения и т. п., упомянутые в титуле императорском.

В этой записке имеются очень любопытные замечания о несообразности существовавшего тогда административного деления. К Астрахани, например, приписан Кизляр, находящийся от нее в 500 верстах, и Саратов — в 750, и Тобольску — Березов — в 860, Томск — в 1286 верстах и т. д. В. Н. Татищев считает, что эти пункты должны быть центрами самостоятельных провинций. Затем указывается, что многие уезды «...так смешаны, что одного в середине другого уезда деревни лежат, или уезд около другой город обошел, как ныне по ландкартам видно». Это тоже иллюстрируется примерами.

Таким образом, В. Н. Татищев проделал, очевидно, какую-то работу с использованием картографического материала по научению административного деления России.

¹ Опубликована в предисловии к работе Н. Попова «Татищев в его время» (см. стр. 638 — «Известия на помянутом начале историческом»).

Однако вернемся к вопросу о том, что означали слова В. Н. Татищева, что целью его районирования является лучшее познание титула императорского.

В императорском титуле перечисляются области и народности, постепенно входившие в состав России, так что он, в сущности, отражал процесс территориального и национального формирования Российской империи. Поэтому требование отражения в административном делении императорского титула практически сводилось к требованию учета географического размещения народностей в административном делении, с чем абсолютно не считалось при установлении губернских и уездных границ.

В упомянутых выше главах сочинения «Россия», где перечислены губернии и провинции, запроектированные В. Н. Татищевым, мы находим такие генерал-губернии, как Белороссийская, Белороссийская, генерал-губерниент Болгарский, Малороссийский и т. д. Среди провинций мы видим Югорскую, Мордовскую, Черемисскую, Башкирскую, Чувашскую, Казанскую, Черкесскую, Мецкерскую, Аляндскую, Зетавидскую, Вогулицкую, Удорскую, Якутскую — все это глубочайшим образом, в самых основах, расходилось с существовавшим административным делением.

Поведяному, есть основание предположить В. Н. Татищеву какое-то понимание необходимости считаться с географическим размещением народностей для правильного построения административного деления России. В упомянутой записке Миллеру он сообщал также, что у него есть «рассписание на губернии, провинции и уезды и показания о каждом природного политического состоянии» (разрядка наша. — А. Н.), но он побоялся это прислать, так как «...без высочайшего рассмотрения не удобно». Общий ход мыслей В. Н. Татищева, вероятно, можно было бы уловить при нанесении его «деления» на карту.

Во всяком случае, он едва ли не первый серьезно и научно пытался подойти к проблеме административного районирования России.

Отметим еще, что в других главах разбираемого сочинения, написанных очень бегло и бессистемно, можно найти ряд интересных сведений по географии полезных ископаемых: золота, серебра, свинца, меди, железа, соли, драгоценных камней; по географии промышленных заведений —

оружейных, шелковых, льняных, суконных, кожаненных, железных и по географии земледельческих культур и скота. Подробности в этих заметках не дается. Отмечаются только самые общие и крупные черты.

Последним замечательным выступлением В. Н. Татищева по делам текущей географической жизни страны была его отзыв на вышедший в 1745 году академический «Российский Атлас». Один отзыв направлен Шумихеру еще из Астрахани, другой Разумовскому уже из Болдина. Выразил свою радость по поводу издания Атласа и высоко оценивая его в целом, В. Н. Татищев делает ряд критических замечаний. Он возражает, прежде всего против мнения, будто бы до работы над Атласом географией в России не занимались. Затем он делает ряд замечаний относительно отсутствия в Атласе некоторых значительных населенных пунктов, отсутствия надписей некоторых известных рек, озер, гор, отмечает неправомерности в проведении границ, причем, как человек деловой, он никогда не ограничивался только критикой, а тут же немедленно для помощи и исправления ошибок и пропусков послал «Книгу Большого Чертежа», им самим исправленную на основании скопленных у него богатейших материалов и многих наблюдений в местах слабды примечаниями. Эта интереснейшая работа В. Н. Татищева тоже не опубликована. Кроме того, он указал, что охват территорий, изображенных на отдельных листах Атласа, носит случайный характер; можно было на каждом листе Атласа изображать губернию, но В. Н. Татищев не советует делать этого, так как он, как мы видели, весьма отрицательно относился к административному делению того времени; лучше, говорит он, разделить территорию России по равному числу градусов, хотя препятствием к этому служит различная густота населения. Поэтому В. Н. Татищев предлагает для следующего издания поступить так: «...зять по четыре или пять градусов широты, начав с северного 75 и югу, а по долготе — как придет, в Сибири же, яко мало населенном и частью недостаточно известном крае по 8 или 12»¹.

Таковы главнейшие черты трудов В. Н. Татищева, направленных на изучение географии России.

¹ Цитируется по работе Н. Попова «Ученые литературные труды В. Н. Татищева», 1886 г., стр. 33.

Из рассмотренных нами работ нужно особо выделить его блестящую по тому времени разработку вопросника (анкеты), лежащего в основу многих последующих обследований России.

О Татищеве-географе можно сказать то же, что известный историк С. Соловьев сказал о В. Н. Татищеве как историке: «Он начал дело, как следовало начать» — оценка очень высокая!

Работы В. Н. Татищева по составлению географического описания России представляют значительный интерес своей структурой, сообщаемыми фактами и разрешением отдельных вопросов, но они остались, как мы видели, незаключенными. В чем причина этого? Ответ отчасти даст биография В. Н. Татищева, с которой мы познакомились выше.

Но главное в другом: В. Н. Татищев имел весьма развитые и высокие теоретические представления о географии как науке. Но если это помогло ему глубоко разработать программу географических обследований для сбора первичных материалов по географии России, то при составлении самой географии России в силу этого же он попал в тяжелое положение, в мучительное противоречие между большим замыслом и скудностью имеющегося в наличии фактического материала.

ТЕОРЕТИК ГЕОГРАФИИ

В. Н. Татищев был первым теоретиком географии в России и оставил нам весьма разобранное изложение своих взглядов в ряде работ.

Такова еще одна выдающаяся заслуга В. Н. Татищева перед отечественной наукой.

Теоретические построения В. Н. Татищева по своему уровню не только не уступали западноевропейским, но и значительно превосходили их во многих отношениях.

Для характеристики В. Н. Татищева как теоретика географии важны следующие его работы: «Разговор о пользе наук» (стр. 81), «Амисаков» (сл. географ, география, география историческая или политическая, география математика), особенно же предисловие к «Предложению» и большая глава в «Истории Российской», там и озаглавленная: «О географии вообще и о русской»¹.

¹ В. Н. Татищев. История российская, т. 43, стр. 499—513.

Географические воззрения В. Н. Татищева сложились на основе практических потребностей того времени. Будучи выдающимся практическим деятелем, он знал эти потребности лучше, чем кто-либо другой, но при этом он серьезно изучал труды своих предшественников в России и западноевропейскую географическую литературу.

Глава «О географии» показывает, что В. Н. Татищев интересовался как историей европейской географии, так, в особенности, историей русской географии, и той и другой он посвящает по специальному разделу. Говоря о европейской географии, он упоминает имена Александра Македонского, Страбона, Аристотеля, Геродота, Плиния, Птолемея; затем, «оставя многих», В. Н. Татищев нашел нужным остановиться на работах Французской Академии наук, которая «...через слезных математиков и географов пошла на большие затраты средств и труда, измерила линию меридиана, составила правильные карты Франции и установила подлинный вид земли: в полукруге плоскогороты, а диаметр экватора доле, нежели меридиана». Наконец, В. Н. Татищев хвалит виденные им шведские карты, отмечая, что большие затраты на правильную постановку картографических работ вполне себя оправдывают.

То, что ему удалось найти по истории русской географии, было довольно скудным по сравнению с тем, что мы знаем теперь. Первым, положившим начало «географическому искусству» в России, В. Н. Татищев считает Нестора, далее упоминается великий князь Константин Мудрый, который «описал все народы и пределы, но одного до нас не дошло». Особо В. Н. Татищев останавливается на «Книге Большого Чертежа», важнейшем памятнике донестровской географии. Он, как мы упоминали, детальношим образом изучал эту книгу» и, поскольку нашел, что «...она для географии русской весьма нужна и полезна», то и пополнил ее, исправил ошибки, написал примечания и приложил алфавитную роспись. В. Н. Татищеву известны были также некоторые старинные карты, относившиеся ко времени Бориса Годунова и первых Романовых. Некоторые из них он нашел в Сибири «у одного дворянина».

Таким образом, он не только широко изучил географическую литературу, но и пытался выяснить историю развития этой науки.

Теоретические взгляды В. Н. Татищева основывались на серьезном изучении географической мысли прошлого.

Что касается понимания практического значения географии, то по этому поводу В. Н. Татищев высказывался многократно и очень подробно. Это было вызвано не только желанием распространить в русском обществе правильный взгляд на значение географии (значение этой науки тогда вообще понимали очень немногие), но и потому, что В. Н. Татищеву не раз приходилось выдерживать борьбу с правительственными учреждениями за ассигнования средств на географические работы. Ему приходилось выслушивать миссия о том: «яко бы свое (т. е. география) и мизантро не весьма нужно» и что «же потребно на то так великое издешение полагать, какового на то по представляемым... мнѣ... требуется».

В. Н. Татищев утверждал новый взгляд на географию, взгляд, явившийся отражением возросших хозяйственных и политических потребностей страны после петровских реформ, до которых задачей географии, как мы уже говорили, были по преимуществу цели, транспортные или военно-фискальные; так появлялись «дорожники», строгальные книги разрядного приказа, писцовые книги и т. п.

У В. Н. Татищева же предмет охватывал шире. Он указывал на необходимость знания хозяйства, населения и природы страны в целом. Он вполне понимал государственное значение такой географии не только для решения частных вопросов, но, что важнее, — для понимания истоков силы государства и определял общего направления развития страны.

Он выразил довольно четко свою мысль в «Разговоре о пользе наук»: «Землеписание или география покажет не токмо положение мест, дабы в случае войны и других приключений знать все оного во укреплениях и проходах способности и невозможности, [но] притом нравы людей, природное состояние воздуха и земель, доволство плодов и богатств избыточество и недостатки во всяких вещах, наипаче же собственного отечества, потом пограничных, с которыми часто некоторые дела име надежду и помощи и спасность от их нападения имеем, весьма обстоятельно знать, дабы в государственном правлении и советах, будучи о всем со благоразумием, а не яко слепой о яроская рассуждать мог»¹.

Во многих своих сочинениях и записках В. Н. Татищев старался убедить русское дворянство в полезности и необ-

¹ В. Н. Татищев. Разговор о пользе наук, стр. 84.

любопытности развитая в нашей стране такой новой научной географией. Наиболее полно о познании географии В. Н. Татищев сделал в главе «О географии». Здесь он объединил все имеющиеся в других работах замечания по этому поводу (см. предисловие к «Предложению», отрыв на инструкцию Демидов и др.).

В. Н. Татищев старался излагать свои мысли по этому вопросу как можно более популярно и начал с двух примеров, взятых из жизни и показывающих, к какому печальному последствию и убытку для помещика может вести незнание даже своего собственного хозяйства, небольшого сравнительно со всей страной. Так, один помещик завел конский завод, «не ведая», что воды в его имении мало, и она плохого качества; узнал он это «...уже со временем, когда дорогою ценою купил жеребцов и кобыл помирил». Другой помещик, узнав, что его сосед имеет большой доход от мельницы, построил такую и у себя, однако затопил при этом столько лугов, «...что вдвое убытка в сене, нежели дохода от мельницы получал, принужден пакн оную разорить».

Этими примерами он хотел показать, что если для управления небольшого помещичьего хозяйства необходимым знанием, то тем более это нужно для управления областью и всем государством.

Незнание государственного хозяйства, пишет В. Н. Татищев, нужно только тем, «...которые более о собственной, нежели отечественной пользе прилагают... ибо им лучше в мутной воде рыбу ловить, и несведущих о состоянии вымышленным известия обманывать»¹.

Отсюда В. Н. Татищев делает вывод о том, «...что во всех гражданских правительствах от нижнего до верного знание географии и точное известие о пределах (т. е. местностях, краях) и весьма правильные ландкарты иметь необходимо нужно».

Затем он переходит к доказательству того, что и военным нужна география не меньше, чем гражданским: «...ибо не редко то случалось, что мудрые полководцы сильного неприятеля единою удобностью положения побеждали».

Гражданское управление и военное дело находилось тогда целиком в руках дворянства. Поэтому В. Н. Татищев старается убедить дворянство в необходимости изучить

¹ В. Н. Татищев. История Российская, стр. 504.

географию с детства, в школах. Это была одна из любимых идей В. Н. Татищева, всюду им проводимая; он рекомендовал географию обучиться, «... перво соседственных областей с достаточными известиями, через что она во всяких рассуждениях гораздо способнее, нежели незнающая»¹, и весьма сожалел, что «Российского Государства недось никакой географии не сочинено».

Мы говорим о задачах, общем охвате и пользе географии в понимании В. Н. Татищева.

Перейдем теперь к определению сущности географии В. Н. Татищевым².

География, говорит В. Н. Татищев, это — землеописание. Он считает, что сюда входит описание земной поверхности и вод: «...так неудобно описателю земель мнствовать описание вод, так описателю вод невозможно берегов не коснуться». Между тем тогда нередко отделивая географию — описание земель от гидрографии — описание вод.

Географию В. Н. Татищев делит на: 1) «универсальную или генеральную», охватывающую всю землю с водами, или ее крупные части; 2) «специальную и участную» — описание стран; затем он выделяет 3) «топографию или пределоописание» — описание частей страны, как, например, Саксония в Германии или Великая, Малая Русь, Сибирь в России. Сюда же он относит описание совсем маленьких территорий: «...когда один град с его прирудом описется».

Таким образом, объектами описания он считал, очевидно, земной шар, материки, отдельные страны и части стран, представляющие собой или определенные исторические образования или административные единицы.

Разделяя географию на упомянутые три раздела, В. Н. Татищев справедливо видит, очевидно, известное различие в приемах описаний, но пояснений к этому не дает.

Затем он дает другое деление географии «по качествам» — на математическую, физическую и политическую, что соответствует современной экономической. Его

¹ В. Н. Татищев, История Российская, стр. 505.

² Гл. «О географии», стр. 505.

Нужно заметить, что трудность таинственная словообразованная оборотов старорусского языка иногда затрудняет точное понимание мысли автора. Мы делаем возмущения В. Н. Татищеву по разным его работам (главным образом по 43 гл. «О географии вообще»), где они лучше выражены, приобретаю название речений.

определенная этих частей географии представляют значительный интерес. Задачей математической географии В. Н. Татищев считает (почти по современному) построение системы координат, имея в виду определение положения пунктов на земной поверхности. Математическая география является «...основанием по званью земного шара и ландкарт».

Физическая география, по мнению В. Н. Татищева, «...показует по разности положений, разность премешений воздуха, теплоты, и стужи и происходящего из того природного довольства и недостатка, не только на поверхности, но и внутрь земал и воды родящегося, которое к рассуждению в преумножении пользы и отиращении вреда весьма полезно и нужно».

Политическая (экономическая. — *А. Н.*) география «...описание представляет семени великия и малыя, акорграды, пристани и пр. Правительства гражданские и духовные, способности, прилежности и искусства, в чем либо того предела (местности. — *А. Н.*) обыватели управляют и преимуществуют, яко же их нравы и состояние, и как сии обстоятельства по временам переменются»¹.

Таким образом, в физической географии В. Н. Татищевым была осознана уже принцип комплексного изучения от «места к месту», причем ведущее и преувеличенное значение придано климатическому фактору. В отношении экономической географии довольно верно указан перечень объектов изучения, но не отмечена причинная связь между ними, нет ведущего фактора. Зато подчеркивается, что «сии обстоятельства» должны рассматриваться в историческом разрезе.

Но кроме частной географии должна быть, по мнению В. Н. Татищева, и география как таковая (см. ст. в «Лексиконе»), которая объединяет материал всех этих частных географий.

Кроме этих формальных определений, для более углубленного раскрытия теоретических взглядов В. Н. Татищева важны его рассуждения об отношениях между географией и картографией, географией и историей.

Сотрудничество с этими науками он считал важнейшим и необходимым условием успешного развития географической науки.

¹ Эти определения взяты из 43 гл. «О географии...», так как здесь они лучше сформулированы, чем в «Лексиконе».

Картография нужна для точной пространственной фиксации. «К высшему знанию землеописания, — пишет В. Н. Татищев в отрывке об инструкции Давала, — необходимо нужно чертек как ландкарта всего государства, также по разделению губерний, провинций и уездов особливые, без которого положение мест, расстояние городов, течение рек, гор, болот, озер и пр. по описанию показать не можно». Мысль о том, что описание должно сопровождаться картами и что «одно без другого недостаточно», высказывалась В. Н. Татищевым многократно. От географа он требовал знаний, достаточных для того, чтобы не только все обстоятельно описать, но и, по меньшей мере, руководить геодезическими работами, причем он подчеркивал, что руководство в картографических съемках должно принадлежать именно географу, что геодезисты «...употребляются в сочиненню ландкарт, которые подчинены географу, как землеописателю», — таковы совершенно верные мысли В. Н. Татищева о значении карты в географии¹.

Вызвуждающийся интерес представляют идеи В. Н. Татищева об отношении географии к истории.

Прежде всего любопытен его взгляд на то, чем отличается география от истории. В предисловии к своему «Предложению» он формулирует это так: «...история не всякая зота действия и времена от слов имеют нам всю представить; но где, в каком положении или расстоянии, что учинилось, какие природные препятствия и способности тем действиям были, также, где который народ прежде жила и ныне живет, как древние города ныне именуются и куда перенесены, оное география и сочиненные ландкарты нам изъясняют; и тако, — заключает В. Н. Татищев, — история, или дееисказание и летопись, без землеописания (географии) совершенного удовольствования к знанию нам подать не могут».

Два момента отмечает В. Н. Татищев как специфические для географии: она изучает: 1) вопросы размещения географических объектов (это нам ясно было и из его взгляда на значение для географии карты, зота в сколько-нибудь отчетливой форме В. Н. Татищев, конечно, не видел закономерностей, вытекающих из «соседских» отношений географи-

¹ В. Н. Татищев, «Летопись Российская», ч. II, стр. 38—39 (слова: географ, геодезист).

ческих объектов, что является ценнейшим теоретическим приобретением современной географии); 2) взаимоотношения между географической средой и общественым развитием, новая для того времени, чрезвычайно важная идея, нигде в других работах В. Н. Татищева, в сожалеанию, не повторявшаяся. Причем, хотя В. Н. Татищеву не были известны движущие силы человеческой истории, он считал таковыми ум человеческой или его глупость (в иск, когда все относил на счет «промысла божьего», — это была прогрессивный взгляд), но он дал поразительную для того времени формулировку отношения исторического процесса к природе: «накие природные препятствия к способности тем действиям были». Это показывает также, что мысль В. Н. Татищева работала уже в направлении синтетической географии и отходила от описательной географии.

В этом же направлении шло настойчивое и многократно повторяемое требование В. Н. Татищева рассматривать географические явления в историческом разрезе. Мы знаем, что это требование он не только выдвигал теоретически, но пытался осуществлять в своей работе «Россия или ...Русская» (см. выше) и хотя круг поставленных вопросов там невелик (о имени, формировании границ, о живущих в древности народах размещения старинных городов), все же это доказывает серьезность его намерения вести по этому пути географию. Теоретически же он требовал, как видно из приведенного выше определения политической географии, исторического подхода ко всему комплексу географических явлений: «как они обстоятства по временам переменяются».

В. Н. Татищев очевидно полагал, что необходимо географическим глазом просмотреть страницы истории, что для правильной постановки науки и получения наибольших практических результатов нужно изучать географический опыт поколений и по странам и по временам (т. е. в историческом разрезе). Между тем в дальнейшем нередко метафизически противопоставляли историю и географию как прошлое настоящему и сводили географию «к последней странице истории».

Эти вопросы о взаимоотношении истории и географии представляют живой интерес и для теории современной географии.

Географическая деятельность В. Н. Татищева, так же как И. К. Кириллова, является еще одним доказательством давнего развития географии в России, выдвинувшей уже в первой половине XVIII в. блестящих ученых-географов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. П. ТАТИЩЕВ

О ГЕОГРАФИИ ВООБЩЕ И О РУССКОЙ¹

География есть слово греческое, значит землеописание, и хотя оно разные наименования имеет, яко Козмография и Гидрография; но все токмо одно описание земл значит. Ибо Козмография есть мироописание в котором кроме земл, и светил небесных: яко солнце, планеты, спутники планет и звезды заключаются, их величество и расстояние описываются, что собственно до Астрономии, а качества действ их до Физики принадлежат. Некоторые под именем Козмографии описали токмо землю; противно тому другие в имя географии включили Козмографию, хотя то верно, что география не может быть истинно без показания неких Астрономических обстоятельств.

Гидрография есть описание вод, то-есть: сказание о морях, заливах, озерах и реках, их широта, глубина и положение всех вод, что более корабельщикам нужно, однакож, как поверхность шара Земного большею частью водами покрыта, так неудобно описателю Земли миновать описания вод, так описателю вод невозможно берегов не коснуться; следовательно оба сии имена воедино и большею частью в имя Географии заключаются.

• • •

Разделяется География по величинам предприятий писателей: яко 1) универсальная или генеральная, то-есть,

¹ Приводятся те разделы 43-й главы «История Российской», которые представляют наибольший исторический интерес для геогра-

общая вся земля с водою, также ее части; 2) специальная и частная, когда только какая-либо область, на пример: Франция, Англия, Польша или Россия со всеми ко оным принадлежностями описуется; 3) Топография или предельописание, когда о одной части вся область представляется, на пример: из Германии Саксония, Австрия, Бавария; из России, Великая, Малая Русь, Сибирь и еще того меньше, когда один град с его приудом описуется.

* * *

Описание бывает по качествам, яко математическое, физическое и политическое: Математическое имеет в себе измерение и счисление великости линий и циркулей по земля умобразительных, яко же и о разности по положенным долготы дня и ночи, которое есть основаннем к познанию шара земного и ландкарт; и хотя не есть всем нужно Сферической тригонометрии вычеты, ниже Астрономические наблюдения к счислению долготы и широты обучать; то кто более из оного знает, тот о шаре и ландкартах, их правости и погрешностях, а обученный в Физике о природных доволствах и недостатках рассуждать может...

Физическое обстоятельство географии показывает по разности положений, разность температуры воздуха, теплоты и стужи, и происходящего из того природного доволства и недостатка, не только на поверхности, но внутри земля и воды родящегося, которое в рассуждению в приуближенном пользы и отягченном преда весьма полезно и нужно.

Политическое Географии описание представляет селения великия и малыя, яко грады, престави и др. правительства гражданския и духовныя, способности, прилежности и некуства, в чем либо того предела обыватели управляются и преимуществуют, яко же их нравы и состояния и как сии обстоятельства по временам переменяются.

* * *

Описание земля и предел по переменам времен различаются на древнее, среднее и настоящее, к чему необходимо нужна История...

Что пользы от Географии государству приносится, о сном испотребно здесь пространно упоминать... Пример мы имеем в сем очевидный, кто своей деревни положение, доволство и недостаток, способности и неудобности знает, а в тому чертеж порядочный черед очьми имеет, тот конечно к пользе своей лучше определять может, нежели о той деревне, в которой он никогда не бывал, описания и чертежа не имеет, как мне то случилось видеть: некоторый господин пространную имел землями отчину доволную людьми и житами, и по тем обстоятельствам завел не малой ковшой завод, не ведая, что воды во оной весьма мало и та вода, то увеза уже со вредом, когда дорогою ценою купил жеребцов и кобыл поморна, и принужден икде места искать; равно тому сосед мой, слыша у другого соседа о избыточной мельнице на той же реке, при которой его отчина была, велел немедленно свою построить, через что столько своих дугов потопа увидел, что вдвое убытка в себе, нежели дохода от мельницы получал, принужден была оную разрыть. Таким образом, не зная подлинных положений и обстоятельств в предметах, легко высшие правительства в рассуждениях и определениях погрешить, и вместо пользы вред занести могут, к которым прикладом весьма бы можно много представить; естли бы того требовалось. Но как все мудрые правители областей и оных советники о том не неизвестны, то для их пространно писать было бы излишнее, а для тех, которые более о своей собственной, нежели отечественной пользе прилежат, есть весьма негодное; ибо им лучше в мутной воде рыбу ловить, и невещных о состоянии вымышленных известия обманывать.

Повеле же из сего видно, что во всех гражданских правительственных от нижнего до верхнего знании географии, и точное известие о предметах, и весьма правильные ландкарты иметь необходимо нужно, и одво без другого недостаточное; ибо легко можно по описанию без ландкарты, или по ландкарте без достаточного описания, стропотным истребкам обмануться: военным же начальникам також оное не меньше нужно, как гражданским; ибо не редко то слу-

челась, что мудрые полководцы сильного неприятеля единюю удобностию положения побеждали: и по сему необходимо нужно, вому шлагетству сию науку достаточно во маадничестве обучать с таким умереннем, встали он будет в гражданском или военном правительстве знатным лицом, чтоб ему не тогда сную обучать, и не яко слепому о цвстех рассуждать; ибо мы никогда о себе и своих детях в юности знать не можем, в какие кто услуги определается, и до какой степени разумом или случаями пойдет, видя многие тому примеры, что асюду из самого убожества великие чины и возможности получают, а знатных фамилий и богатых родителей дети, от ленности и роскошности негодными и презренныи остаются: для сего во всех государствах шлагетские дети из маадничества по основаниям в геометрии, тотчас Истории и Географии обучаются, перю генеральной, потом простравно своего государства, за тем соседственных областей с достаточными известными, через что они во великих разсужденных гораздо способнее, нежели не-званции.

Все сие, что представил единственно к званню и потребности общей Географии принадлежит, а за тем, колко мне известно, о Руской скажу.

* * *

О начале в России Географического искусства, или точного предела описания, я не нахожу нигде, кроме что Нестор народы бывшие прежде и в это время описал, а по нем продолжателам летописи о нивенных воспоминают, но все, что до географии принадлежит, повсюду темно и недостаточно. Потом Симон епископ суздальский сказует: Князь великий Константин Мудрый описал все народы и пределы, но сего до нас не дошло. По нем о царе Иоанне II в 1352 году сказуются, что земля волеа измерять, и чертеж государства зделать, однакож чертежа сего нигде не видно, кроме того, что в архиве Казанской, на одно Казанское владение, как мне помнится на 16 листах делав без масштаба, но от места до места версты числом подписаны, токмо книга, именованная большой чертеж, осталась, и мисю Макарий сную чертеж разумеет. В ней описаны все реки, озера, горы и зватые селения с расстоянием, которая начата, мнится, при Иоанне великом, а при правнуже его царе Иоанне II и после при царе Алексее дополнена.

но при последнем много в ней было от неткости поврежденно, и дополнителъ не все мог исправить, яко описание Москвы реки и другихъ знатныхъ находится; и тако явныхъ погрешностей и пророчекъ в ней не мало, однакож она какъ для Географич. Руской весьма нужна и полезна, для того в оную навязана, пополнена и распись алфавитную положила.

* * *

При царе Борисе сделана ландкарта с довольнымъ искусствомъ и хотя она не совсемъ исправна, однакож в ней много о восточныхъ театрахъ показано, чего до сихъ времекъ ни в одной иностранной не находилось, особливо Бухария и море Аральское, его же Синимъ именуютъ, довольно порядочно введены, при немъ же и при царе Михайле Федоровиче деланные наша и три ландкарты разныхъ Сибири, такожъ царе Алексия Михайловича генеральная Руская и неколико партикулярныхъ, каждая на одномъ листе простой бумаги, и по генеральной видно, что сочинитель Латинскій языкъ разумна; ибо много словъ Латинскихъ положена и градусами разделена. Сии ландкарты нашелъ я в Сибирь у одного дворянина в книге переписаны, которые яко вещь динкую в 1739 году Ея Императорскому Величеству подарить хотелъ. При царе Алексие в 1664 году дополнена вышеоубавленная книга большой чертежъ внятно и сочиненно ландкарты, которая была ли сделана, не видно. Ватсон бурмистр Амстердамской объявилъ, что она на дереве вырезана и напечатана была, токмо по довольномъ от меня испытаньи нието не явилася, чтобъ оную печатанную виделъ, и хотя сказываютъ, что есть в архиве Сенатской, токмо отыскать и показать не могъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Н. К. Кардов	3
«Центрально-азиатский Всероссийский государственный»	8
«Атлас Всероссийской империи»	13
Организатор экспедиции	18
В. Н. Татищев	35
Сергей Иванович Костомаров	51
Поручик за создание географии России	62
Теория географии	79
Приложение	88

**ГЛАВПОЛИГРАФИЗДАТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Вышла на печати

в 1948 г.

Бендер Н. А. Имена русских людей на карте мира, 1948 г., цена 3 р. 45 к.

Добровольский А. Д. Путешествия Ф. П. Литке. Под редакцией проф. Н. Н. Зубова. Серия «Русские путешественники», 1948 г., цена 1 р. 25 к.

Добровольский А. Д. Адмирал С. О. Макаров — путешественник и океанограф. Серия «Русские путешественники», 1948 г., цена 1 р. 90 к.

Ежегодник советского альпинизма. Победительские вершины, 1948 г., цена 15 р. 35 к.

Затуловский Д. М. На ледниках и вершинах Средней Азии, 1948 г., цена 7 р. 25 к.

Марков Сергей. Подвиг Семёна Дежнёва. Серия «Русские путешественники», 1948 г., цена 1 р. 40 к.

Муромов В. М. Непротоптанными путями. Записки географа, 1948 г., цена 5 р. 50 к.

Пришвин М. М. Моя страна, 1948 г., цена 7 р. 70 к.

Рототалов П. С. Победонная Ушба, 1948 г., цена 1 р. 90 к.

Фрадкий Н. Г. Путешествия И. И. Лешкина, Н. Я. Озердовского и Ф. В. Зуева. Серия «Русские путешественники», 1948 г., цена 1 р. 45 к.

Фраерман Р. и Зайкин П. Плавания В. М. Голонина. Под редакцией проф. Н. Н. Зубова. Серия «Русские путешественники», 1948 г., цена 2 р. 25 к.

Чуновская А. К. Н. Н. Микало-Микалай. Серия «Русские путешественники», 1948 г., цена 1 р. 15 к.

в 1949 г.

Гвоздецкий Н. А. Путешествия В. А. Комарова. Серия «Русские путешественники», 1949 г., цена 1 р. 90 к.

Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чирков. Серия «Русские путешественники», 1949 г., цена 1 р. 90 к.

Давыдов Ю. В. В морях и странах. Серия «Русские путешественники», 1949 г., цена 2 р. 80 к.

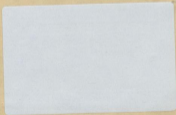
Редактор *И. И. Тоскина*
Техник. редактор *С. М. Кошляков*

Сдано в производство 30/IV 1949 г.
Подписано к печати 10/VI—49 А/06975.
Формат 84×108/32 Тираж 50000.
Печатный листок 6. Учетно-издательский л.
5,12. Цена 1 р. 50 к. Заказ № 1575.

3-я типография «Красный пролетарий»
Госпланграфиздата при Совете Министров
СССР, Москва, Краснопролетарская 16.

Цена 1 руб. 50 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ